Ирина Успенская

Практическая психология Конт

ИДДК

Практическая психология

Ирина Успенская

Практическая психология. Книга 1. Конт

«ИДДК»

2015

Успенская И.

Практическая психология. Книга 1. Конт / И. Успенская — «ИДДК», 2015 — (Практическая психология)

ISBN 978-5-9922-2091-9

Госпожа Вавилова не верила ни в ангелов, ни в чертей. Все пятьдесят лет своей жизни не верила. Зато они в нее верили, а может быть, им просто стало скучно. В итоге душа женщины отправилась в другой мир, где царит позднее Средневековье, где слова честь и верность еще что-то значат, где дружба и предательство идут рядом и где от решений одного зависит жизнь многих. С любой проблемой была готова справиться Виктория Викторовна, кроме одной. Ее душа попала в тело опального бастарда последнего короля, конта Алана Валлида, а этот конт тот еще подарок: и убивал, и насиловал, и грабил. Да и вообще мужчина, между прочим...

ISBN 978-5-9922-2091-9

© Успенская И., 2015
© ИДДК, 2015

Содержание

Пролог 6
Глава 1 8
Глава 2 14
Глава 3 26
Глава 4 36
Глава 5 52
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Ирина Успенская
Практическая психология. Книга 1. Конт

© Успенская Ирина
© ИДДК

Пролог

Они встретились под старым деревянным мостом, переброшенным через обмелевшую речушку без названия. Белокурый ангел в строгом черном костюме, похожий в своей скорби на служащего похоронного бюро, и босой кудрявый черт, одетый в майку-алкоголичку и узкие голубые джинсы.

– Ангел?

– Черт?

– Люди называют это косплей. Поиграем?

Некоторое время они оценивающе рассматривали друг друга, а затем, словно нехотя, обменялись легкими поклонами.

– На что играем? – Черт потряс стаканчиком для костей.

– Вавилова Виктория Викторовна, – скучающим голосом произнес ангел.

– На эту склочную бабу играть не буду! – Черт размашисто перекрестился и поплевал через левое плечо. – На сегодняшнем суде наше ведомство признало ее святой.

– А наше объявило, что для Небес она слишком грешна, и ее место в Геенне Огненной, – сложив руки на груди, твердо заявил ангел.

Они несколько минут играли в гляделки. Первым не выдержал черт, он достал из кармана перочинный ножик и начал выцарапывать на деревянных опорах похабные словечки, старательно отворачиваясь от собеседника.

– Вась, ну что тебе стоит, а? Засунь ее куда-нибудь в пекло подальше, – с просящей улыбкой произнес ангел. – Мой шеф после разговора с ней три часа медитировал на водопад.

– А мой успокоительную настойку пил ведрами, – пробормотал черт Вася. – Не могу, Ксю, даже не проси! Я всего лишь куратор небольшого мирка, вот если бы…

Тут он замолчал и на секунду задумался, глядя на многозначительно кивающего ангела.

– Есть крепостная весчанка, которая вот-вот помрет от родильной горячки. Только твою протеже в ее теле через день на костре сожгут, и она вновь окажется у нас, но уже как мученица…

– Нет! – испуганно воскликнул Ксю. – Виктория Викторовна не заслужила такого посмертия. Ее жизнь не отличалась праведностью, но она никогда не шла наперекор совести, – строго произнес ангел, пролистывая золоченые страницы небольшого блокнота.

– Но тогда остается всего одно подходящее тело, и оно мужское, – вкрадчиво сообщил черт, хитро поблескивая глазами цвета раскаленной лавы. А то, что это тело слегка потрепано, сообщать было совершенно не обязательно.

– Она за двое суток успела построить наших стражей, заставить их маршировать и распевать «Катюшу»! Думаешь, не справится с каким-то мужским телом? – и вообще, его это не касается, хоть в тело собаки, только бы избавиться от этой деятельной души. – Другие души, попадая в чистилище, пугаются, молятся, стараются вести себя вежливо и незаметно, а эта!.. Эта сунула свой несуществующий нос во все закутки нашего мира!

– А у нас она заставила босса подписать приказ о дополнительном ежемесячном выходном суккубам на основании того, что они женщины! – в голосе черта звучали искренние недоумение и обида.

– А у нас заявила, что мужчинам в жизни намного легче! – перебил его ангел.

– А у нас сказала, что если бы она была мужиком, то стала бы президентом и «во, где бы вы все оказались!» – Черт сжал кулак и в запале потряс им перед отшатнувшимся ангелом.

– А у нас… Так по рукам? – с надеждой спросил тот.

– А если узнают? – прищурился черт.

– Вась! Ты меня сколько веков знаешь? Зуб даю! Ни одной живой душе! Ты мне веришь?

– Верю, Ксю, но документы на тебе!

– Заметано! Переноси! Дадим ей в награду второй шанс, – пафосно заявил ангел. – Пусть попробует стать президентом.

Он кротко улыбнулся, потирая руки, в то время как черт сложным пассом что-то начертал в воздухе, плюнул, свистнул и замер, закрутив хвост спиралью.

– Эй! Не забудь сознание изменить на мужское и память о прошлой жизни убрать! – напомнил ангел, незаметно перебирая пальцами левой руки.

– Поздно, – хитро улыбнувшись, покаялся черт. – Я уже отправил.

– Специально?

– Сам понимаешь, положение обязывает. Делать пакости мне по статусу положено, – с довольной физиономией развел руками Вася. – Мы с тобой дети одного Отца, но благостность досталась лишь тебе. – Он в притворном смущении опустил глаза, чтобы скрыть смех.

– Об этом твоем некрасивом поступке совершенно не обязательно упоминать в отчете, – решительно кивнул ангел. – По нектару? Я угощаю. И наконец-то снимем эти оболочки!

Он обнял черта за плечи, и они испарились, оставив после себя запах серы и ночных фиалок.

Ни один из них не признался, что привязал к себе возрожденную душу связующей нитью бытия. Иметь своего адепта в новом мире мечтали оба.

Глава 1

Ступил тогда Создатель Ирий на поле пустынное,
и на том месте, где коснулся он земли,
выросла лоза благословенная. Зацвела она и дала плоды.
Возрадовались люди, рвали плоды и давили сок сладкий.
Увидел это брат его, Вадий Злокозненный, и плюнул в сок,
забродил сок, и получилось вино, умы дурманящее и веселящее сердца.
V Песнь Жития

…Пятьдесят лет. Это много или мало? Для именинницы – мало, а для ее годовалого внука – много. Цветы, поздравления, шумная компания, смех и тосты. Не сходящая с лица улыбка, танцы, караоке.

– Созвонимся!

А когда дверь закрывается и в квартире наступает оглушающая тишина, улыбка сходит с лица. Пятьдесят. Это немало. Тебе кажется, что можно еще все поменять, наверстать, отыграть, но ежедневные звонки сыновей и их заботливое: «Мама, как ты себя чувствуешь?» – каждый раз напоминают, что в глазах окружающих ты уже солидная женщина, перешагнувшая черту, за которой жизнь начинает стремительно догонять уходящее за горизонт солнце. Банально, но факт. И совершать безумные поступки уже не по статусу. Не солидно, как говорит твоя подруга Леночка…

Виктории Викторовне Вавиловой – россиянке, матери троих взрослых сыновей, активной, любознательной, ироничной и уверенной в себе – впервые в жизни снился цветной сон. Словно она сидела на лавочке в парке и одновременно находилась где-то еще. Вокруг ее тела сновали люди, верный пес, поскуливая, пытался запрыгнуть на колени, но его постоянно отгоняли две женщины в форменных куртках сотрудников «скорой», а дух Виктории Викторовны сидел на ветке старой липы и с любопытством следил за суетой внизу. Тривиальный сюжет, множество раз описанный в книгах и проигранный в кинопостановках…

…Оказалось – не сон.

Бывает и так: живешь, учишься, работаешь, выходишь замуж, рожаешь детей, они вырастают, разъезжаются, заводят свои семьи, рожают тебе внуков, а ты все ждешь того момента, когда жизнь начнется. А жизнь имеет такое сволочное свойство – заканчиваться. И однажды, гуляя с собакой по осеннему парку, ты вдруг чувствуешь резкий укол в сердце, садишься на лавочку и тихо умираешь.

И вот тут начинается самое интересное. Оказывается, после смерти ты никому не нужна. Ни богу, ни дьяволу. Конечно, они же оба мужчины! Зачем им прислушиваться к советам какой-то тетки? Хотя у тетки за плечами служба, заслуженная пенсия, еще десять лет работы руководителем в одной частной организации и четверо выращенных мужиков – трое сыновей и муж. Но… мир принадлежит мужчинам, и загробный мир тоже. Скука, короче, смертная.…

…Пятьдесят лет. Это много или мало? Алан Валлид по кличке Бешеный считал, что это много, и что его папаша – конт Валлид – задержался на этом свете. Поэтому он и приказал своему верному слуге Берту приготовить ловушку. Простенькую и незатейливую. Ловчую яму с острыми кольями на дне. На большой поляне, где лесники заметили группу молодых оленей. О том, чтобы конт остался с сыном наедине, позаботился тот же Берт, уверенно направивший егерей в другую сторону. А так как все знали, что парень – доверенное лицо молодого хозяина,

спорить с ним не осмелились. Слугу мучила совесть: старый хозяин хорошо относился к матери Берта, но ослушаться господина он не посмел. Уж очень скор был на расправу виконт.

Алану оставалось лишь молиться коварному богу Вадию, благосклонно относящемуся к убийцам, чтобы конт, увлеченный погоней, не свернул на соседнюю просеку. Заодно свечу поставил и в честь светлого Ирия, сразу же прося прощения за неподобающий любящему сыну поступок. То ли Вадий в своем коварстве решил потрепать молодому мужчине нервы, то ли Ирий в тот день взял выходной, но все прошло не так гладко, как рассчитывал виконт. Старый конт получил тяжелые ранения, но выжил, пришлось Алану осторожно спускаться в яму, чтобы добить папашу коротким ударом в сердце. Но прежде чем он успел занести нож, раненый открыл глаза.

– А ты вырос, ублюдок, – через силу улыбнулся конт, – но проклятая кровь мозгов тебе не добавила. Берт! – сипло крикнул он. Над ямой появилось бледное лицо Берта. – Скажи Нанни, чтобы рассказала новому конту Валлид о его рожде… – Умирающий ухватился окровавленной ладонью за рукав сына, закашлялся и испустил дух, но виконт на всякий случай загнал узкий клинок между шейными позвонками. Рисковать он не собирался.

– Создатель милостивый, прими душу грешную, – обмахнулся щепотью Ирия Алан, когда слуга помог ему выбраться из ямы.

Виконт внимательно оглядел себя. Сапоги и рукава рубахи оказались безнадежно испачканы в лошадиной крови. Заводную кобылу было жалко, ее за огромные деньги специально купили у горцев, чтобы скрестить с волоканским жеребцом Алана, но животное, в отличие от живучего папаши виконта, умерло почти мгновенно, напоровшись горлом на острый кол. А ведь он предлагал отцу взять сегодня другого коня! Упрямый старикан! Даже сдохнув, умудрился нагадить!

– Прими душу, Создатель, – проговорил Берт, отвлекая мужчину от размышлений.

Алан пристально всмотрелся в лицо слуги, покручивая между пальцами длинный охотничий нож, больше смахивающий на кинжал. Берт застыл, понимая, что сейчас решается его судьба. Жить или умереть. Свидетели конту были не нужны. Он рухнул на колени, низко опустив голову.

– Кир Алан конт Валлид, примите мои соболезнования в связи с кончиной вашего отца. Я счастлив и дальше служить вам.

Алан довольно улыбнулся и вдруг резко, с замахом, ударил ногой коленопреклоненного слугу по лицу. Берт не попытался уклониться, хотя мог бы, но тогда господин взбесился бы еще больше, и только Вадий знает, чем бы это закончилось.

Новый конт Валлид славился бешеным темпераментом и непредсказуемым жестоким характером. Высокий, широкоплечий, со смуглой обветренной кожей, темно-серыми, почти черными глазами и такими же черными волосами, с прямым носом и резко очерченными скулами, он мог бы быть симпатичным, если бы не презрительный взгляд и постоянное высокомерное выражение недовольства на породистом лице. Будучи виконтом, он вызывал ужас у крестьян-весчан, живущих на территории графства. Безжалостный, эгоистичный, вспыльчивый – вот те эпитеты, которые сопровождали его имя. А еще он очень любил женщин и, хотя был женат, никогда не брал «подати девственности», а всегда использовал право первой ночи. Сколько раз Берту приходилось выводить из замка заплаканных, а иногда и избитых весчанок, он даже не считал. А уж теперь, став полновластным хозяином этих земель…

Берт так и застыл на месте, не поднимая головы. Тяжелые капли крови падали на вытоптанную траву, но слуга боялся вспышки гнева господина и не рискнул зажать нос пальцами. Не впервые. Главное, чтобы перелома не было.

– Если проболтаешься, я заставлю тебя сожрать собственный язык. И не посмотрю на то, что мы сосали одну титьку. – Конт поставил ногу в стремя, собираясь сесть на лошадь.

В этот момент произошло несколько событий. Жеребец взвился на дыбы, молотя перед собой передними ногами, Алан не удержался и опрокинулся на спину, конь, по-собачьи взвизгнув, сделал огромный прыжок вперед и скрылся в чаще. Зарычал и попятился назад пятнистый тау, до сих пор мирно дремавший в тени деревьев. Из кустов вышел самый жуткий хищник здешних лесов – короткомордый ведмедь. Стремительный, агрессивный, злобный и упрямый, как сто мулов. Бешено поводя налитыми кровью глазами, он метнулся к поднимающемуся конту.

Алан выхватил нож и полоснул зверя по морде, пытаясь поразить глаза. Хищник проворно отскочил, и Берт заметил короткую стрелу, которая, как большая заноза, торчала из спины животного. Странная стрела – короткая, черная с красным оперением, никто на фронтире не пользовался такими. Вот и причина чрезмерной агрессии. Берт закричал, подхватил с земли сук и начал сильно колотить по дереву. Егеря говорили, что ведмедя можно отогнать громким звуком, заодно это и внимание других охотников привлечет. Тау с утробным рычанием закружил вокруг, но зверь обращал на него не более внимания, чем на назойливую пчелу, а когда тот прыгнул, стремительным движением когтистой лапы разорвал кобелю живот. Но это отвлекло зверюгу от человека, и конт смог подняться на ноги. Берт заметил, что кожаный доспех, без которого кир Алан не выходил из замка, с левой стороны разорван, и поддоспешник стремительно наливается кровью. Господин был ранен. Берт кричал и стучал, жалея о том, что слугам нельзя носить оружие, а его хозяин пытался отбиться от раненого ведмедя…

…Приснится же такой бред. Но как реалистично! И чем это так воняет? Виктория Викторовна сморщила нос, принюхиваясь. Страх закрался в мозг незваным гостем и затаился на периферии сознания. Воняло псиной, мочой, грязным телом, кровью, рвотой и… ладаном? Нет, что-то другое, но очень похоже. Именно этот запах исключил нелепую мысль, что она в плену. Значит, больница. И, судя по ароматам, не из лучших.

Мысли скакали, словно резиновые мячики: разбегались, запрыгивали друг на друга, разлетались, и она никак не могла сосредоточиться на одной, самой главной – что произошло? Болела голова, нестерпимо жгло в левом боку. Виктория попыталась открыть глаза, но веки словно кто-то склеил. Ну что же, раз нельзя открыть глаза, значит нужно попробовать открыть рот.

– Эй, кто-нибудь!

Изо рта вырвался сиплый низкий голос. Ого! Это она так орала, что повредила голосовые связки? Даже когда болела ангиной, так не басила. Что же случилось? Собраться и попытаться мыслить логически. Если она парализованная, то и говорить не должна. А раз разговаривает, значит, может шевелиться. Виктория Викторовна попыталась пошевелить рукой. Ура, у нее получилось! Она подняла руку, чтобы ощупать глаза, ладонь зацепилась за что-то колючее, скользнула по подбородку и щекам. Это что? Борода? Тактильные ощущения говорили, что это ее лицо, но разум не мог поверить в то, что это реальность. Паника начала потихоньку овладевать рассудком. Но Виктория Викторовна гнала ее от себя. Мало ли, что с нею приключилось: может, болезнь, может, кормят гормонами. Не стоит сразу истерить!

Она осторожно дотронулась до шеи, коснулась рукой груди. Обнаженный торс. Волосатый! Плоский! Рука судорожно скользнула вниз и, если бы спазмы страха не сжали горло, не давая возможности крикнуть, Виктория Викторовна заорала бы громче, чем звонит корабельная рында! Она была мужчиной! Рука дернулась, словно обожженная, и безвольно упала. Сон? Но отчего так болит в боку и печет спину? И зуба верхнего нет, глазного… А у нее были все зубы.

Раздались голоса, стукнула дверь, по полу зацокали когти. На кровать запрыгнул кто-то большой и тяжелый, сильнее запахло псиной. Кожу обдало горячее дыхание, и шершавый язык,

судя по ощущениям, величиной с лопух, обслюнявил лицо. Сердце предательски запрыгало между ребрами, пытаясь вырваться и сбежать в пятки.

– Ату, Кусь! Ату!

Приятный мужской баритон. Собака еще раз лизнула полуобморочную женщину и тяжело спрыгнула на пол.

– Кир Алан, жак си сатите? Иц ту Берт.

– Ничего не понимаю, – прохрипела Виктория низким голосом. Ни одного знакомого слова. Такого языка она никогда не слышала, поняла лишь, что имя говорившего Берт.

– Кусь, атарчи!

Мужчина что-то быстро говорил приглушенным голосом, затем послышались глухой удар и звон разлетающихся черепков.

– Кир Алан, жак си сатите? – испуганный голос незнакомца раздался совсем близко.

– Ни черта не понимаю, – повторила с тоской Виктория. – Воды. Дай воды умыться.

Мужчина вновь бегло заговорил, и она услышала в его голосе панику. Да что он там возится? Виктории просто необходимо было увидеть, где она находится, и понять, что ее окружает – реальность это или галлюцинация? А быть может, ее накачали наркотиками, и все это просто плоды воображения затуманенного мозга?

Гость чем-то гремел, продолжая говорить. Виктория внимательно прислушивалась, старательно запоминая незнакомые слова. Раздался звук льющейся воды, и лицо промокнули холодной мокрой тряпкой. Особое внимание незнакомец уделил глазам. Наконец-то она смогла их раскрыть и тут же зажмурилась. Мама дорогая! Лучше бы не раскрывала. Значит, это был не сон. Ну, погодите у меня! Она ведь еще вернется, и тогда… тогда вашему загробному миру мало не покажется!

Вот это влипла! Виктория осторожно приоткрыла один глаз, затем второй. Взгляд сразу уткнулся в высоченный сводчатый потолок, явно сделанный не из гипсокартона, его поддерживали четыре колонны, у одной стены расположился большой закопченный камин, в который при желании можно было засунуть поросенка. Тусклый свет проходил сквозь два узких высоких окна. Вместо прозрачного стекла – цветной витраж. Красиво, но света маловато. Одно окно было раскрыто, и она увидела синее-синее небо без единого облака. В поле зрения попал громоздкий стол, заставленный тарелками с остатками еды, кубками и глиняными кувшинами. В углу на трехногом табурете неровной стопкой лежали листы желтоватой бумаги, придавленные большим кувшином. Посуда, похоже, была медная и серебряная. Над столом вились мухи. Полная антисанитария. На том кусочке пола, который оказался доступен ее взгляду, рассыпана солома. А в ней, наверное, мыши и насекомые. Мрак! Это какой же век?

– Кир Алан!

Виктория перевела взгляд на стены, сложенные из серого обработанного камня. Напротив кровати висела изумительно выполненная вышивка, украшенная бисером. Двое мужчин, похожих между собой, как могут быть похожи лишь братья-близнецы, стояли спина к спине, держа в руках опущенные вниз мечи. Только вот выражения лиц у них были разные. Один смотрел внимательно и строго, словно знал, какие неприличные слова вертятся в голове у лежащей на кровати женщины, и осуждал ее за это. А второй просто весело скалился, его радужки были вышиты черным, поэтому казалось, что на лице мужчины вместо глаз два бездонных тоннеля. Вышивальщица обладала незаурядным талантом и сумела передать при помощи ниток и бисера совершенно разные характеры. Обрамляла вышивку виноградная лоза. Интересно, кто это?

– Кир Алан!

Виктория медленно повернула голову. Вот и первый абориген. Судя по всему – это и есть Берт. Светловолосый парень. Симпатичный, но какой-то взъерошенный. Не старше двадцати двух лет. Грязная серая льняная рубаха, подпоясанная бело-синим тканым поясом, такие же

серые штаны, широкие и бесформенные. Он стоял возле кровати и смотрел, как ей показалось, с плохо скрываемым злорадством. Раздался стук, и рядом кто-то громко засопел. Японский городовой! Это что, местная собачка? Огромный пятнистый зверь с длинной пастью, полной острых зубов, и с торчащими на загривке острыми иглами мало походил на домашнего питомца. Зверюга сидела на полу, а ее голова возвышалась над кроватью на полметра. «Адская гончая» преданно смотрела на Викторию желтыми круглыми глазами. Толстый хвост, напоминающий полено, которым милый «песик» радостно барабанил по полу, издавал равномерный глухой стук.

– Кир Алан! – блондин наклонился, и женщина почувствовала резкий запах лука.

– Привет, – попыталась улыбнуться Виктория. Был у нее в прошлой жизни такой небольшой пунктик – она не выносила, когда кто-то дышал ей в лицо. Сразу начинала задыхаться, словно у нее воровали воздух. Вот и сейчас Виктория подняла руку и отпихнула от себя склонившегося к ней парня.

– Арста, конт. Тас киндо взвар, – забубнил Берт, одной рукой приподнимая ей голову, а второй прижимая к губам чашку с отваром.

Виктория принюхалась. Травяной сбор. В горле пересохло, и она с удовольствием выпила горькую жидкость. Парень довольно улыбнулся, промокнул ей губы мокрой тряпкой, а затем, говоря что-то, скинул одеяло и помог повернуться на бок. Осторожно смазал раны на боку и спине зеленой мазью, пахнущей болотом, прикрыл их чистыми белыми тряпками. Судя по тому, как подрагивали его руки, Берт боялся причинить боль, но Виктория спокойно дала обработать раны, только несколько раз процедила сквозь зубы неприличные слова, когда слуга слишком сильно надавил на рану в боку.

То, что он сделал дальше, вызвало у Виктории шок и едва не привело к полноценной истерике. Берт что-то тихо проговорил, привычным жестом протянул руку и застыл на месте, увидев ошалелый взгляд.

– Ты куда руки тянешь! – Она едва не рычала от возмущения. Мало того, что заперли в мужском теле, так еще всякие извращенцы пытаются облапать!

– Пис, пис, – пролепетал парень, показывая на пол.

– Что? На пол? А горшки здесь еще не изобрели? – заорала Виктория, наконец-то поняв, чего от нее хотят.

Парень испуганно упал на колени и склонил голову.

Черт! Да что же это такое?! Лежать нагишом перед незнакомым мужчиной было неприятно и холодно. Она попыталась успокоиться. Глубокое дыхание и медленный счет до десяти помогли справиться с дрожью в руках и желанием что-нибудь разбить. Нужно срочно выздоравливать и изучать местный язык. То, что она здесь не простой человек, Виктория поняла сразу, увидев, с каким почтением к ней обращается слуга. Но очень хотелось бы знать, насколько непростой?

– Берт! – позвала она. Парень подполз ближе, она ткнула рукой в большой глиняный горшок, который стоял на столе, и вопросительно посмотрела в глаза слуги.

Слава богу, тот оказался не идиотом. После нескольких минут пантомимы и рычания он наконец-то догадался, что от него требуется. Но, прежде чем отдать горшок хозяину, который сегодня почему-то наотрез отказался от его помощи, громко и четко произнес название предмета.

– Джбан, – старательно повторила Виктория несколько раз подряд. На память она никогда не жаловалась и надеялась, что вместе с душой это тело получило и ее мозги.

Дальше стало легче. Берт, тщательно проговаривая, называл каждый предмет в комнате, а она повторяла. Некоторые слова сразу произносила правильно, а некоторые переспрашивала и старательно повторяла по много раз. А затем ткнула пальцем в пачку бумаг, давая понять, что собирается не только учить речь заново, но и учиться писать. Судя по удивлению, проскольз-

нувшему на лице слуги, для него это было странно и неожиданно. Похоже, реципиент никогда не стремился к знаниям. Может быть, он считал, что искусство мечника более важно, чем искусство писаря? Пока Берт чинил перо и ходил за плошкой с чернилами, Виктория провела ревизию организма. Множество синяков, поджившая рана на затылке, вывих ноги, несколько неглубоких ран на спине и нехорошая болезненная рана на боку. Рассмотреть ее она не смогла, было тяжело сгибаться – судя по всему, ребрам тоже досталось. Интересно, кто это так обработал не хилого, в общем-то, мужчину?

Вернулся Берт в сопровождении двух парней, одетых в такие же, как у него, замызганные серые холщовые штаны и рубахи. Только поясов у них не было. Они принесли несколько дополнительных подушек и устроили с их помощью вполне сносное кресло. Следом еще один мужчина – русобородый и могучий – притащил маленький столик, который удобно ставить на кровати. Он что-то спросил, но Виктория его не поняла. Богатырь только головой покачал.

Виктория с энтузиазмом принялась за изучение языка. Ей просто необходимо было занять мозг, чтобы не свихнуться. Язык оказался на удивление легким, очень похожим на чешский, который она неплохо знала. К вечеру женщина уже могла назвать все предметы в комнате. Узнала, что местная «собачка» называется «тау», и что сука, которая лежит у ее кровати, носит гордую кличку Кусь. Еще она выяснила, что ее имя Алан Валлид, и что она – точнее, он – конт. Конт – это тот же граф. Неплохо, неплохо. Берт оказался Альбертом, он был молочным братом ее реципиента. Это удалось выяснить не столько при помощи слов, сколько при помощи долгого махания руками, имитации детского плача и подсунутых под рубашку на груди тряпок.

Берт несколько раз пытался её накормить, но Виктория только нетерпеливо отмахивалась и пила травяной отвар, отказываясь от еды. К вечеру слуга заметно устал, и она с сожалением решила остановиться. Жестами приказала навести в комнате порядок, что тоже вызвало удивление. Но Берт не посмел ослушаться. Те же молчаливые мужчины, что приносили подушки, заменили в железном подсвечнике свечи, смели старую солому и застелили новую, убрали со стола и внесли в комнату два деревянных стула с высокими спинками.

Виктория сразу заметила перемену в настроение слуги. Парень засуетился, как только принесли стулья. Он что-то неразборчиво прошептал с виноватым лицом, убирая столик с кровати и быстро пряча исписанные бумаги в стол. Затем раскидал подушки и уложил хозяина, накрыв его одеялом до подбородка.

– Берт, кто идти? – спросила она у слуги.

– Манжелика и ксен, – парень указал пальцем на правую руку конта.

Виктория поднесла к лицу ладонь и только сейчас обратила внимание на толстое золотое кольцо, виноградной лозой обвивающее средний палец. Обручальное? Жена? У нее есть жена? Виктория Викторовна едва не задохнулась от возмущения. Она открыла рот, чтобы выдать все, что думает о тех, кто её так осчастливил, но не успела. Дверь открылась, и в комнату величаво зашел худой мужчина в серой сутане, но не на него с ужасом смотрел конт Валлид. Следом за ним в дверь вплыло бледно-голубое облако с темно-русой косой. Розовые губы растянулись в скорбной улыбке, от этого щеки стали казаться еще больше. Дама поднесла к узким щелкам заплывших жиром глазок платочек и всхлипнула, отчего оба ее подбородка затряслись.

– Ах, Алан… – проронила она приятным голосом.

Виктория судорожно вздохнула и потеряла сознание.

Глава 2

У великого духа Неба родились два сына.
И назвал он их Ирий и Вадий.
Оба были статны и красивы.
Любили они друг друга
несмотря на то, что всегда соперничали,
И тогда Отец Небо создал для них мир.
«Владейте», – сказал он им.

I Песнь Жития

На замковой кухне царила предутренняя суета. Старшая кухарка зычным голосом, которому завидовал даже Рэй Молчун, капитан стражи, раздавала приказы. Двое рослых рабов тягали воду от колодца, еще двое носили дрова и складывали их у большой печи, не успевшей остыть с вечера. Там, за заслонкой, в глиняном горлаче томилось молоко. Госпожа контесса любила утром, сразу после сна, выпить чашечку теплого напитка со свежими булочками. Опару кухарка поставила еще с ночи и теперь ожесточенно вымешивала тесто, словно оно было виновно во всех ее бедах. При этом она не переставала следить за тремя своими помощницами, чтобы не болтали попусту, а делом занимались. Скоро рассветет, рабы отправятся в поле, а переде этим их надо накормить да с собой дать «на перекус», а там и воины придут завтракать. В замке жило много народу, и есть хотели все.

В кухню, смачно зевая, вошел Берт, на ходу подпоясывая рубаху. Он уселся за стол напротив кухарки и, протянув руку, отщепил кусочек теста от кругляша, который женщина как раз опускала в большую глиняную миску.

– Как был дитем, так дитем и остался, – вздохнула кухарка, ставя миску на теплый припечной залавок и покрывая ее чистым холстом.

– Тетка Райка, кур скока сёдня бить? – спросил заглянувший в кухню мальчонка.

– Двух цыплят трехнедельных господину на бульон да пяток взрослых, – прикинула кухарка, вытирая руки о передник, и повернулась к Берту. – Снедать будешь?

Парень кивнул. Райка поставила перед ним тарелку вчерашней пшенной каши, а сама уселась напротив, подперев голову рукой.

– Красавчик, может тебе молочка свежего плеснуть? С вечерней дойки, – подлетела к столу круглолицая молодка со жбаном в руках.

Берт тотчас подставил кружку под тягучую, густую струю, кухарка только головой покачала. Все сливки слила, негодница, да только зря. Берт на сеновал-то с тобой сходит, а вот жениться его сам Вадий не заставит. Если только господин прикажет. Дурные девки, очевидного не видят. Сколько глупых ни гоняй, а им словно намазано!

– Ну, рассказывай. Что там конт? Может, пора и по нему готовить поминальный пир? – с легкой надеждой в голосе поинтересовалась она.

– Вчера пришел в себя, – хмуро сообщил Берт, помешивая деревянной ложкой кашу, в которую щедро плеснул молока. – Все были уверены, что не встанет. Ксен даже красные свечи приготовил, что после погребения старого господина остались.

Кухарки переглянулись и разочарованно вздохнули.

– Жалко старого конта. Неплохой господин был, – Райка осенила себя щепотью Ирия. – Ежели конт Алан помрет, кто хозяином будет?

– Госпожа Храму все отпишет, вот посмотрите, – прошептала одна из женщин. – Она на нашего ксена как на Ирия смотрит. Как господин этого не замечает?

– А может и замечает, да не вмешивается, – заговорщицки подмигнула та молодка, что налила Берту молока. – Господин наш мужчина видный да силой не обделен, но, говорят, к госпоже только в сильном подпитии ходит.

– Ты не болтай глупостей! – прикрикнула на нее Райка. – Не наше это дело. Берт, расскажи про кира Алана.

– Речь забыл, вообще забыл, – поделился новостями Берт. – Говорить заново учится. Лекарка сказала, что такое бывает, когда кровь дурная в голову ударяет. Как очнулся – долго смотрел по сторонам, словно соображал, где находится. А как жену свою увидел, так сознание и потерял.

– Небось, от счастья, – хихикнула одна из кухарок, озорно блеснув глазами. – А ксен что говорит? Не вселился ли в нашего господина дух анчуты? – и она осенила себя щепотью Вадия. Солнце только-только начало подниматься из-за моря, а значит, темный мог еще и нашкодить. В тесто плюнуть али молоко закислить. Лучше и его умаслить. – Неужто ксен ничего не сказал?

– Кусь признала хозяина, – коротко сообщил Берт. Кухарки понятливо кивнули, тау чуяли человека, и если он становился одержимым, всегда могли распознать. – Господин от еды вчера отказался. Вы бы сегодня приготовили его любимое. Странный он какой-то, как бы беды не было, – пробормотал Берт, и они с Райкой многозначительно переглянулись.

Виктория в это время тоже не спала. Она пыталась справиться с начинающейся депрессией, зная: стоит поддаться хандре, и остановиться будет сложно. Лучший способ борьбы с угнетенным состоянием – это злость. Но разозлиться никак не получалось. А вот выть хотелось, и поводов для этого было предостаточно. Во-первых, она почувствовала всю прелесть утренней эрекции, что вызвало у нее когнитивный диссонанс. Сходить в туалет получилось с большим трудом и, что самое ужасное – она совершенно не знала, что с этим делать! Да и делать ничего не хотелось! Ей было противно дотрагиваться до себя, новое тело вызывало отвращение. А ведь с ним придется жить долгие годы!

Конт Валлид заскрипел зубами и со злостью стукнул кулаками по кровати. Как можно с этим смириться?

Во-вторых, хотелось в туалет по большому, но она представить себе не могла, как это происходит в новых условиях. Может быть, тоже на соломку?

На бледном лице лежащего на подушках мужчины появилась гримаса отвращения.

Лучше потерпеть, а там ведро потребовать. Ведра у них есть?

В-третьих, жутко чесалась грязная голова, а еще она обнаружила на себе блоху, и это усугубило и без того отвратительное настроение. Ну и, в-четвертых, бок был горячим, рана пульсировала и болела. Все это и множество других «мелочей» – незнание языка, грязная постель, волосатое мужское тело, отсутствие элементарных удобств и жена в придачу – не располагало к веселью. Виктория попыталась иронизировать, но вся её ирония сводилась к банальной матерщине. Чем она с наслаждением и занималась последние полчаса, мечась на подушках.

Курить хотелось невыносимо. А говорят, это привычка организма. Да ничего подобного! Этот организм никогда не знал никотина, но память услужливо подбрасывала воспоминания, отчего легкие словно наполнялись дымом. Черт! Она ведь бросила курить лет пять назад, когда увидела у младшего пачку сигарет. Тогда они и бросали, вместе. Как там ее мальчишки? Хорошо, что все уже взрослые, самостоятельные люди. Грустят, наверное. И она никогда не увидит, как растут ее внуки. Мужа жалко. За двадцать семь лет совместной жизни они научились понимать друг друга без слов и, хотя любовь уже перешла на совершенно другой уровень, ему будет труднее всех. На первых порах, конечно, поможет Леночка, она крестная их детей и близкий друг семьи. Было бы здорово, если бы они сошлись, тогда за мужа можно было бы не волноваться.

Мужчина на мгновение замер, из темно-серых глаз покатились слезинки, он поднял руку и резким движением смахнул их с лица…

Не время! Если об этом думать, она вообще расклеится. Не сейчас! Все у ее мальчиков хорошо! Они с мужем вырастили настоящих мужчин. Не пропадут!

Конт Валлид осторожно сел, опираясь спиной на большую подушку, прижатую к шершавой стене. Стало жарко, мужчина резким движением откинул меховое одеяло.

Лучше бы она этого не делала! Глаза тут же нашли неоспоримое доказательство принадлежности к другому полу!

Из горла конта вырвался свистящий звук, похожий на шипение испорченного радио. Рука непроизвольно дернулась в поисках тяжелого предмета, которым можно было бы запустить в стену. Хотелось орать, бить посуду и искать виновных. В голове крутилась единственная мрачная мысль. Плюнуть на все, отказаться от еды, дать ране воспалиться, получить заражение крови и умереть второй раз. А уж там… в загробном мире отыграться за то унижение, которому ее подвергли высшие силы! Это было заманчиво, но где гарантия, что в отместку ее не засунут в тело какого-нибудь хорька? Да и вернуться хотелось «со щитом», чтобы утереть нос всем этим бессмертным существам. Виктория протянула руку к лежащим на табурете листам плотной бумаги. Тут же стояли стаканчик с новыми перьями и плошка с чернилами. Она макнула перо в синюю жидкость и задумалась. Было немного страшновато, вдруг эта подаренная жизнь последняя? Вдруг больше она никогда не ощутит тяжести рук, боли в боку, холода и жара? Она вздохнула. Большие, корявые, дрожащие буквы русского алфавита легли на плотную бумагу. Виктория скептически глянула на написанное. Рука слушалась плохо, она не помнила, как выводить знакомые буквы. Даже этому приходилось учиться заново. «Лучше жить, чем просто сдохнуть. Дышать, совершать безумные поступки, не боясь умереть, потому что теперь я точно знаю, что смерть – это еще не конец. Но как же там скучно!»

Но… Когда Виктория вспоминала о контессе Литине – жене своего реципиента, у нее начинал дергаться глаз. Тут позавидуешь настоящему конту Алану. Умер мужик, и теперь ему совершенно не нужно заботиться о продолжении славного рода Валлид.

Конт скривился и с ненавистью посмотрел на висящую напротив кровати вышивку. Картина была ни в чем не виновата, но больше претензии предъявить оказалось некому. Виктория еще вчера поняла, что это местные боги. Берт постоянно оглядывался на картину, когда обмахивался сложенными в щепоть пальцами. Круг справа налево, когда поминал Ирия, и слева направо, когда из его уст звучало имя Вадия.

Нет, ну как конта Алана угораздило жениться на этой девице? Бедняга. Мужчина покачал головой и тут же застонал, сжав кулаки. Женщина в нем зашлась в бессильной злобе. Бедняга? Гад он, а не бедняга! Гад! Как посмел подохнуть и оставить на неё эту тушу голубого кита? Ему теперь хорошо, а ей здесь отдувайся! Не мог найти себе молоденькую, хрупкую, опрятную и красивую девушку? А может, у контессы душа прекрасна? Ха-ха-ха!

Конт разразился хриплым истерическим хохотом. За дверью что-то грохнуло, кто-то испуганно вскрикнул, и это помогло взять себя в руки. Зажав рот ладонью, изредка икая и всхлипывая, Виктория постепенно успокоилась. Но все равно прошло не менее четверти часа, пока с трудом удалось прекратить истерику. Однако стоило прикрыть глаза, как перед внутренним взором вновь возникало круглое лицо контессы. Ну что за наваждение! По телу словно озноб прошел, и она натянула на себя мех. Мысль о том, что придется взять за руку эту чужую женщину, вызывала тошноту. Это неприемлемо! Даже будь контесса Литина мисс Вселенная, никогда Виктория Викторовна Вавилова не легла бы в одну постель с женщиной! Никогда! Да ни за какие блага! Лучше смерть!

Мужское тело резко повернулось на бок и замерло в неудобной позе. Боль в ранах и ребрах помогла справиться с отчаянием.

Она ощущала себя стопроцентной женщиной, несмотря на то, что между ног у нее теперь болтались яйца!

К потолку полетел короткий хриплый вопль.

Забрали тело, отчего не забрали память? Сволочи! Все же нашли средство отомстить. И кто она теперь? Транссексуал? Этого только не хватало! Виктория зарычала, колотя ногами по постели. Будь она здорова, уже металась бы по комнате, снимая стресс набеганными метрами.

А если ей понравится мужчина? Как это будет выглядеть со стороны? Возможны ли в этом мире такие отношения? Черт, о чем только она думает! Даже если ей понравится мужчина… Перед глазами встали кадры Берлинского гей-парада, и Викторию передернуло. Нет! Нет и еще раз – нет! Она схватила чернильницу и со всей силы запустила в стену. Удар оказался сильным, плошка разлетелась на множество осколков, оставив после себя мокрое синее пятно на серой стене и резкую боль в ребрах. Дверь тотчас распахнулась, и в комнату заглянула перепуганная рыжая девица. Виктория запрокинула голову и заорала в бессильной ярости. Девица пискнула и захлопнула дверь.

Безумный взгляд запавших глаз переместился на вышивку, и Виктории Викторовне показалось, что боги глумливо усмехаются, глядя на ее мытарства. Веселитесь? Смотрите сверху и делаете ставки? Думаете, загнали в угол? Так вот, дорогие – фиг угадали! Она придумает, как выбраться из того дерьма, в которое её засунули! Она докажет! Не на ту напали! Найдет общий язык с новым телом, подомнет его под себя, справится с гормонами, если, не приведи Господь, они попытаются диктовать свои условия. Виктория хрипло засмеялась, ощущая себя сумасшедшей. Она общалась с телом, словно оно не её, воспринимала разум, как нечто совершенно отдельное, не первый ли это признак шизофрении?

Прокричавшись, Виктория с удивлением заметила, что ей стало легче, и она может мыслить разумно. Тело конта расслабленно опустилось на подушки. А собственно, чего она психует? В каждой гадости нужно искать хорошее. Разве не это всегда было её жизненным кредо? Что страшного в нынешней ситуации? Всегда немного завидовала сослуживцам. И с карьерой им легче, и физически они более защищены, и домашние дела касаются их меньше, и футбол – святое. Короче, быть мужчиной не так уж и плохо. Особенно в это время. Насколько было бы хуже, попади она в тело служанки, бесправной и смазливой, которая не имеет права отказать господину. А вдруг случилась бы беременность? Она живо себе это представила. Ужас! Нет, все же хорошо, что она мужчина! А с женой придется что-нибудь придумать. Вот узнает больше о мире и придумает. Да и болеть можно долго, очень долго… и всегда можно свалить на болезнь свою мужскую несостоятельность. Немножко хитрости и лицедейства никому не повредят.

Виктория Викторовна оскалилась, глядя в окно на виднеющийся кусочек предрассветного неба. Значит, мужчина? Ну что же, она принимает вызов.

– Берт! – заорал конт Валлид.

Перепуганная служанка бежала так быстро, что не успела вовремя затормозить и с разбегу налетела на ксена, выходящего из своей комнаты.

– Простите, брат Взывающий! – дрожащим голосом произнесла девушка, низко кланяясь. – Там хозяин проснулся. Кричит на непонятном языке, требует Берта, – не дожидаясь ответа ксена, затараторила она со страхом в голосе. – Жуть, как страшно.

– На незнакомом языке, говоришь? – заинтересовался ксен.

– Ирием клянусь! – Девушка прижала к груди руки. – Неужто конт после удара по голове совсем рассудка лишился?

– Много болтаешь. А может, твоим языком нечестивый Вадий вещает? – жестко произнес ксен, пристально вглядываясь в конопатое лицо. Страшненькая, да и грудь маленькая, но припугнуть стоит. Под его взглядом девушка словно уменьшилась в размерах. – Иди за Бертом

и держи язык за зубами, если не хочешь, чтобы тебя отправили чистить нужники. – Он осенил служанку знаком Ирия и решительно направился в покои конта.

Через несколько минут его догнал запыхавшийся Берт, пытающийся пятерней расчесать лохматые волосы, в которых застряли золотистые соломинки.

– Благословите светлым Ирием, брат Взывающий. – Слуга склонил белокурую голову. – Меня кир Алан вызывает, – доверительно сообщил он после того как ксен возложил ему на макушку ладонь.

– Что-то я тебя давно на исповеди не видел, Берт. – Ксен решительно шагал по коридору. – Плохо, когда человек забывает о боге, так и до скверны недалеко.

– Так недосуг было. То похороны, то хозяин без памяти лежал, а я при нем день и ночь.

– Для Создателя время должно находиться всегда, – строго произнес Взывающий. – Взывать не забываешь? – Берт замотал головой. – Верность твоя хозяину будет вознаграждена. Как кир Алан? Память к нему вернулась? – словно между прочим поинтересовался мужчина, одергивая сутану.

– Все понимает, но сказать не может. Мычит и пальцем в вещи тычет. А как услышит название, так словно вспоминает. Лекарка говорит, что так бывает, когда по голове сильно бьют.

– Больше ничего странного? Слов незнакомых не произносит?

– Орет, кубками бросается, – пожал плечами Берт, не поднимая глаз от пола. – Все, как и раньше, просто ослаб очень. Но госпожа контесса выгнала лекарку, сказала, молитва Ирию – лучшее лекарство.

Берт не стал уточнять, что друида, уходя, обвинила контессу в том, что она желает мужу смерти. Ворожея была лучшей травницей и лекаркой в этой части фронтира, поэтому хозяйка сделала вид, что не слышит шепота женщины. Даже если это правда, кто посмеет ее осудить? Смерти виконта хотели многие, но мало кто осмеливался говорить об этом вслух.

– Пока кир Алан болеет, слово кирены закон, – рассеянно ответил ксен, думая о чем-то своем.

Берт бросил на него быстрый, внимательный взгляд и вновь опустил глаза. Отчего он не рассказал ксену правду, парень даже сам себе объяснить не смог бы.

– Берт, вода! – едва открылась дверь, скомандовал конт Валлид и осекся, увидев, как в комнату входит давешний священник.

Виктория бросила на мужчину в сутане внимательный взгляд и тут же прикрыла глаза, словно силы покинули израненное тело. Ей хватило одного мгновения, чтобы понять – перед нею стоит либо религиозный фанатик, либо человек, очень хотящий оным казаться. Старая, вытертая на локтях и по вороту сутана из грубой шерсти, подпоясанная обыкновенной зеленой веревкой, висела на ксене, словно на палке с перекладиной. Из-под нее выглядывали некогда черные, а теперь изрядно потертые кожаные мягкие тапочки, напоминающие чешки на веревочках. Судя по тому, что держался ксен немного скованно и излишне прямо, под сутаной была надета либо непривычная ему кольчуга, либо вериги. Высокий, худой, гладко выбрит, со впалыми щеками и светлыми, почти прозрачными голубыми глазами. Взгляд из-под капюшона – цепкий, внимательный, недоверчивый. Неужели что-то заподозрил? Опасный тип. Такого нужно держать либо рядом, либо как можно дальше. Интересно, что его привело в такую рань? Вчера раненый слишком быстро потерял сознание, чтобы ксен успел рассмотреть что-то во взгляде лже-конта. Проверяет?

Ксен тем временем подошел к кровати и, положив прохладную руку на лоб господина, начал петь речитативом. Ну прям рэпер. Виктория чуть приоткрыла один глаз. Берт стоял за спиной священника и пристально смотрел в лицо киру Алану. Увидев, что хозяин бросил на него взгляд, он приложил палец к губам. Конт понимающе скривился. Слуга предупреждал,

чтобы Виктория не ляпнула ничего на неизвестном здесь языке. Лучше сделать вид, что от удара возникли проблемы с головой. Видела она в своей жизни людей с расстройством речи, поэтому имитировать это состояние труда не составит. А вот что делать с Бертом? О чем он догадался? И если понял слишком много, то кем станет – врагом или другом? Что их связывало с реципиентом, кроме кормилицы?

Ксен перестал молиться, осенил конта священным кругом, что-то буркнул кланяющемуся Берту и, бросив на больного еще один внимательный взгляд, быстро вышел из помещения. Сложно понять, что у него на уме. Но с этим святошей возникнут проблемы. В этом женщина была уверена. Ладно, о том, что с ним делать, она подумает позже, когда появится побольше информации. А сейчас – мыться и учиться, учиться, учиться. Чем быстрее она освоит местный язык, тем быстрее поймет, как ей себя вести дальше. И еще обязательно нужно посмотреть, что там за рана на боку. Уж очень болезненная и горячая, как бы действительно заражение не получить. Конт криво усмехнулся, представив свое появление в одном известном мире. Эта его ухмылка отчего-то перепугала слугу до испарины на лбу. Нужно бы в зеркало глянуть, может, реципиент страшен до такой степени, что любая его гримаса вызывает у окружающих непроизвольный ужас? Это будет весело. Чего скрывать, Виктория любила красивых людей и надеялась, что мужчина, которым она ныне стала, симпатичный. Ей казалось, что это поможет смириться с неизбежным злом.

– Берт, – конт поманил слугу к себе сложенными пальцами. – Вода. Много. Мыть.

– Нельзя вам мыться, господин. Раны еще не зажили, – попробовал сопротивляться Берт, но конт ухватил его за воротник рубашки и подтянул к самому лицу. Откуда только силы взялись в исхудавшем теле. – Быстро! – прошипел он, и Берт не посмел перечить, услышав в голосе мужчины знакомые рычащие нотки.

Виктория, сидя среди подушек, с интересом следила за приготовлениями, подмечая мелочи. Например, отчего тканый пояс был лишь у Берта, и почему ему тоже кланялись «беспояные» слуги? Не так низко, как конту, но все же. Может, пояс – это знак отличия, показатель более высокого статуса?

Сначала двое парней притащили большое глубокое деревянное корыто, похожее на челн. Его поставили посреди комнаты. Затем четверо мужчин принесли по два ведра воды. Семь ведер вылили в корыто, а одно оставили рядом, накрыв сложенной в несколько раз тряпкой, как оказалось – полотенцем.

Конт протянул руку, и Берт тотчас подставил под нее плечо. Стоило встать, как мужчину повело в сторону, и он повис на парне всей своей массой, с удивлением замечая, что реципиент выше слуги, хотя тот был немаленького роста.

Черт! Ходить тоже придется учиться заново, привыкая к новому телу! Она про себя выматерилась.

Вода! Теплая вода! Какое это удовольствие! Подумаешь, раны и ссадины начали пощипывать. Ну и что, что коленки выпирают, зато можно облокотиться на высокий борт и расслабиться. Как мало нужно для счастья! По лицу конта разлилось блаженство, в уголках глаз блеснула влага.

В комнату тихонько зашли две испуганные молоденькие девушки, лет по пятнадцать, не старше. Обе в бесформенных серых платьях и белых косынках, завязанных сзади под длинными косами. Одна несла перед собой таз с водой, вторая тащила низкий табурет, на котором стояла глубокая миска с мыльной пеной и лежала мочалка из люфы!

Увидев мочалку, Виктория чуть не всхлипнула. Таким родным показался ей этот предмет. Как же мы не ценим то, что нам кажется обыденностью! Сейчас этот кусок люфы казался ей самой дорогой вещью на свете, которую она не променяла бы ни на какие сокровища этого мира.

Пока конт любовно гладил мочалку, кривя губы в совершенно безумной улыбке, девушки перестелили постель, вытряхнули одеяло и замерли за спиной господина.

Берт громко и отчетливо продолжал называть новые предметы и действия, а Виктория тщательно запоминала слова. Все же хорошо, что в свое время ей пришлось выучить чешский язык, иначе сейчас было бы намного тяжелее. А так она чувствовала себя собакой. Понимала почти все, но сказать не могла.

За окошком взошло солнце, его первые веселые лучи протянули свои щупальца в комнату, отразились неровными оранжевыми всполохами в воде. Девушки, стараясь не сталкиваться с контом взглядом, тщательно вымыли ему голову, ополоснули волосы настойкой трав, отмыли тело и, дождавшись кивка Берта, так же бесшумно исчезли из комнаты. Как заметила Виктория – с огромным облегчением. Она тоже почувствовала себя свободнее. Все же это неприятно, когда твоего тела касаются чужие руки. Пусть даже эти руки умелые и осторожные. Был один напряженный момент, когда одна из девчушек протянула дрожащую руку к паху, но Виктория так на нее гаркнула, что несчастная испуганно отпрыгнула в сторону. Не хватало еще, чтобы организм отозвался на прикосновения. Разум не воспринимал женщин как сексуальный объект, но кто знает, как на это отреагирует мужское тело? Экспериментировать не хотелось совершенно. Не привыкла она еще к этой мысли, да и вряд ли когда-нибудь привыкнет. А девчушек, видать, специально выбирали посимпатичнее, чтобы угодить хозяину. Неужели этот кобель мог позариться на таких молодых?

Но самым познавательным оказался процесс бритья. Берт умело орудовал остро заточенным ножом, но Виктория все равно постоянно вздрагивала, когда нож оказывался в опасной близости от шеи. Кошмар! Вот уж не думала, что это такое опасное и неприятное занятие. Может, бороду носить? Но она чешется! И в ней будет оставаться еда. Женщина тяжело вздохнула, проведя рукой по гладкому подбородку. Бриться придется научиться. А пока… Если Берт и удивился требованию конта побрить подмышки, то не подал виду. Виктория Викторовна подумала, что не мешало бы избавиться и от остальных волос на теле, но решила не шокировать слугу. Неизвестно, до какой степени распространяется порог его толерантности. Еще нажалуется ксену на ненормальное поведение хозяина. Мужчина, бреющий ноги, пожалуй, и у нее вызвал бы оторопь. Женщина про себя хихикнула.

Чистый, выбритый конт задумчиво рассматривал отражение в немного вогнутом зеркале, которое держал перед ним Берт. Смотрел, словно никогда до этого себя не видел. Кривил губы и сжимал кулаки.

В голове у Виктории крутились лишь два слова – маленький юркий, безумно красивый северный зверек и падшая женщина. Что тут еще можно сказать? Будь она жеребцом, наверное, гордилась бы собой. А может, это зеркало все увеличивает? Она скосила глаза. Пришлось со вздохом констатировать – если и увеличивает, то незначительно.

Рану на боку придется вскрывать. Пять толстых кривых стежков соединяли неровные воспаленные края. Шов посинел, опух и вонял. Такое она уже видела. Рана загноилась и воспалилась. Удивительно, что еще нет жара. Черт! Черт! Черт! Без антибиотиков, без обезболивающего, без антисептиков… Интересно, лекари здесь есть?

Резать рану Берт отказался наотрез. Пришлось самой. Нож прокалила над свечой, долго приноравливалась, крутясь перед зеркалом и не обращая внимания на бледного слугу. А потом решительно подцепила первый шов. Боль оказалась вполне терпимой. Конт криво усмехнулся. Тому, к кому три раза наведывался в гости аист, гнойная рана может показаться прыщиком. Выдавить и забыть. Большее неудобство доставляли ребра, которые начали болеть при каждом неловком движении. Все же интересно, кто нанес конту Валлид эти многочисленные раны?

Пока Виктория, кривясь от вони и боли, осторожно промывала рану смоченной в травяном чае тряпицей, в комнате появились еще два действующих лица. Пожилая женщина в черном платье, украшенном тканым поясом со сложным узором, несла пахнущий травами узелок

и кувшин. Следом за нею в дверь, наклонив голову, вошел огромный бородатый мужик с мечом на поясе. Виктория несколько раз моргнула, почувствовав себя хилым длинноногим котенком. И это при ее росте под два метра! Она никогда еще не видела таких здоровяков. Наверное, так выглядели былинные богатыри. На вид мужчине было лет сорок-сорок пять. Под рубашкой перекатывались могучие мускулы, светлая грива курчавых волос лежала на плечах такого размаха, что на них при желании уместилось бы четверо детей, да еще и место осталось бы! Лоб пересекал кожаный хайратник. Жилистую мощную шею украшала красная тесьма с искусно вырезанным из древа символом – четырехлучевой звездой. С ума сойти! Вот бы встретить такого в прошлой жизни, ни за что не прошла бы мимо.

Пока Виктория завороженно глазела на богатыря, женщина что-то сердито прошипела и решительно отобрала у нее тряпку. Запахло травой, на рану полилась прохладная вода. Конт облегченно вздохнул. В голове зашумело, в глазах потемнело, ноги подкосились. Пришел откат. Здоровяк едва успел подхватить на руки падающего мужчину.

Очнулась Виктория очень не вовремя. Да что же это за напасть такая?! Неужели не могла подольше в обмороке поваляться! У, как же больно! Они что, соли туда насыпали?

Она заорала. Тотчас в рот сунули деревяшку, воняющую псиной. Это они ей Куськину игрушку в рот суют? Идиоты!

В рану словно воткнули раскаленный штырь и провернули его там. Женщина чистит и зашивает, поняла Виктория и сильнее сжала зубами деревяшку. Хотя бы догадалась дренаж поставить.

Лекарка ворчала на непонятном языке, перемежая свою речь короткими командами. Виктория поняла, что это местная травница, которую Берт называл уважительно – друида.

Виктория дернулась, но не смогла даже пошевелиться. Воин держал за плечи, Берт сидел на ногах. За что ей это? Они хоть иголку с ниткой продезинфицировали?

«Боже, я же знаю, что ты есть, сделай так, чтобы эти муки были не напрасны!»

Тени в углу за колонной сгустились, распались на множество островков мрака, и ей показалось, что из них соткался ангел. Он подошел, положил руку на лоб стонущему конту и улыбнулся. Разве ангелы выходят из тьмы?

Красивая галлюцинация с огненными глазами…

«…посмотрели братья на дело рук своих и присели под раскидистым деревом отдохнуть. Устали они и проголодались, но некому было подать им яства и питие. И тогда Ирий сотворил слугу для себя по своему подобию. И назвал он его мужчиной. И дал он ему лук и стрелы, и научил добывать пищу и огонь, строить дома и возделывать поля, чтобы мог он служить ему. Глядя на это, Вадий создал для себя рабыню – ликом прекрасную и для глаз приятную – и назвал ее женщиной. И научил он ее хитрости и коварству, и велел он ей соблазнить мужчину, чтобы забыл он о служении своему Создателю…» Приближенный Верикс, знаменитый своими трактатами о жизни сподвижников и святых, так говорит в своих проповедях: женщина была создана Вадием для ублажения мужчины и для продолжения рода человеческого. А тело ее служит оружием Вадия, чтобы мужи достойные отвлекались от служения Создателю. Поэтому служителям божиим он рекомендует усмирять плоть и не поддаваться на зовущие взгляды соблазнительниц. Но если слаб ты духом, то следует обзавестись женою законной, воспитать ее в почитании и жить с нею до дня своего последнего, прославляя Ирия светлого. И подбирать женщину для себя надобно тщательно, дабы не пришлось затем всю жизнь проводить в ругани и склоках, из-за которых грехи жены тяжким грузом ложатся на спину мужа. А чтобы не сломался хребет от бабских грехов, надобно учить супругу свою уму разуму…

Ничего нового. И в этом мире женщина – «сосуд греховный».

Хорошо поставленный голос Взывающего эхом отражался от стен комнаты и рассыпался вокруг лежащего на кровати мужчины. Контесса Литина, приоткрыв рот, внимала, забыв о вышивке, лежащей у нее на коленях. Вот она слегка повернула голову и бросила на мужа внимательный взгляд, словно оценивая его реакцию. Да нет, наверное, показалось. Откуда у этой туши может быть умный оценивающий взгляд?

Виктория про себя взвыла. Эта религиозная пытка длилась на протяжении всех дней, которые она была вынуждена провести в постели, изображая из себя смертельно больного. Каждое утро в комнату приходил ксен, читал над контом молитву светлому Ирию, при этом смотрел так, словно ожидал, что мужчина от его слов рассыплется прахом. Но кир Алан не доставил ему такого удовольствия. Он тщательно обмахивался сложенными щепотью пальцами и не собирался ни гореть синим пламенем, ни корчиться от святого слова, ни, тем более, умирать. Да что там говорить! Даже аллергии на молитвы не появилось. Виктории казалось, что сей факт жутко расстраивает ксена. Но здесь она ему ничем помочь не могла. Одержимость нужно еще доказать, а голословные обвинения в адрес одного из потомков древнего рода могли закончиться для ксена виселицей. Потом, конечно, прибыли бы представители Храма, но мертвецу уже ничего не помогло бы. Оба это знали и мило улыбались друг другу, в душе желая оппоненту долгой и мучительной смерти.

А вечером приходила «любимая» женушка с вышивкой или толстой книгой и начинала вслух читать жизнеописания богов. Часто к ней присоединялся ксен. И тогда теологические диспуты затягивались на часы. Ксен начинал размахивать руками, брызгать слюной, с фанатичным блеском в глазах нести всякую чушь. Контесса смотрела на него с восторгом, ловя каждое слово. А конт, который не понимал половины услышанного, наблюдал за этими двумя сквозь щелки полуприкрытых глаз и делал выводы.

То, что Литина влюблена в ксена, было видно невооруженным глазом. А вот он? Если и он к ней неровно дышит – это подарок небес! Уличить жену в неверности и потребовать развода. Но… это слишком легко. К сожалению, ксен если и был влюблен, то очень умело скрывал сей факт. Тогда что он здесь делает? Духовник госпожи… Ну-ну. Так мы вам и поверили, господин Взывающий. Берт рассказывал, что ксен появился в замке на следующий день после прибытия юной Литины. Он же проводил обряд бракосочетания. Да так и остался в замке, заменив местного ксена, которого срочно отозвали в столицу. Мужчина слыл аскетом и каждый вечер усмирял плоть часовыми молитвами, при этом отказывался от услуг рабынь, предпочитая, чтобы ему прислуживали мальчики. Надо приставить к нему своего человека. Хотелось бы знать, где он бывает, с кем общается, что делает.

Черт бы побрал эту жену! Сидит, выкатив глаза, на массивном широком деревянном стуле, который под нею кажется хрупким и изящным. В руках надкушенное яблоко, на коленях вышивка. Очередное покрывало для местного храма. А ведь молодая женщина. Виктория пыталась с ней поговорить. О делах замка, о хозяйстве, о мироустройстве, об интересах контессы. Ведь должно же ее интересовать что-либо кроме булочек, вышивки и молитв? Но Литина пугалась, заливалась румянцем и начинала нести такой бред, что приходилось вежливо просить ее заткнуться. Чтоб тебя дьявол прибрал! Вместо того чтобы проводить время с пользой, приходится притворяться умирающим бревном. Дело в том, что она уже вставала и ходила по комнате, но ее дико пугала перспектива оказаться в спальне контессы, и она продолжала разыгрывать из себя жутко больного.

Но все когда-нибудь заканчивается, и терпение конта Валлид тоже закончилось. Сегодня он приказал не пускать к нему вечером никого, кроме Берта и Рэя – так звали поразившего Викторию богатыря. Как оказалось, он был нянькой молодого виконта и находился при нем с его рождения. Фактически Алана вырастили Нанни – кормилица – и Рэй – капитан замковой стражи, преданный и верный воин, разделивший с хозяином все тяготы ссылки на фронтир.

Рэй, пожалуй, был единственным человеком, который не боялся сумасбродного и жестокого Алана Валлид и, похоже, искренне его любил.

– А помните, господин, как я вас отговаривал от женитьбы? Вам только пятнадцать сравнялось, когда батюшка ваш покойный оженить вас решил.

– Почему не отговорил? – недовольно спрашивал конт.

– Вам же весчанок и рабынь мало было, дворянку подавай! Вы же думали, что у благородных все по-другому, – с хитринкой в молодых не по годам глазах посмеивался Рэй. – Вот ваш батюшка и сосватал госпожу Литину. Хотел, конечно, виконтессу Маричку, да Наместник не позволил, пришлось брать местную баронеску. Правда, она не из потомственных. Титул ее дед получил, когда одолжил прежнему королю золота в трудный год.

– Так она из купчих? – поинтересовался конт, внимательно слушая своего няньку.

– А то вы не помните, – щурился воин, баюкая в огромных ладонях толстую оранжевую морковку.

– Рэй, ты же знаешь, после удара по голове у меня провалы в памяти. Тут помню, тут не помню. Расскажи.

– А что рассказывать? Вам стукнуло пятнадцать, вы были у нас уже мужчина хоть куда, всех девок перещупали, а кирене Литине исполнилось четырнадцать. Вам она сразу не понравилась. Вы изволили еще ее портрет порезать.

– Подозреваю, на портрете красавица была изображена, – хмыкнул конт.

– Госпожа и сейчас красивая, – произнес Берт из угла, где затачивал перья для письма.

Виктория с удивлением на него посмотрела.

– Ты это серьезно?

– Конечно, господин. Ваша жена одна из самых красивых женщин. Жаль, что наследника она вам еще не принесла.

Конт Валлид похлопал глазами и промолчал. Может быть, здесь каноны красоты такие, как были на Земле во времена Ренессанса? Но в уме возник план. Пожалуй, можно будет отделаться от супружеских обязанностей.

– Сколько лет мы женаты? – уточнил он у Рэя.

– Почти десяток, господин конт.

– Ага. Отлично. Берт, пригласи ко мне ксена.

Когда Берт вышел из комнаты, конт поманил к себе капитана.

– Рэй, я хочу знать, где бывает ксен, с кем общается, с кем спит, что ест, кому пишет и что пишет. Ты меня понял?

– Неужто госпожу контессу в неверности заподозрили? – ахнул здоровяк.

– А что, есть повод? – прищурился конт.

– Бабы завсегда поймут, когда другая баба влюбится, – уклончиво ответил воин, не желая быть тем, кто несет раздор в семью.

Виктория про себя хмыкнула. Это точно. Она ведь поняла. Ах, как было бы замечательно, если бы это оказалось правдой! Но даже если этот вариант не пройдет, у нее в голове имелся еще один. Странно, но мысль устранить Литину физически ни разу не посетила голову нового конта Валлид. Контесса ничего плохого ему не сделала. Она просто вносила определенный дискомфорт в существование, и без того весьма неопределенное. Если бы ксен не намекал при каждом удобном случае, что замку нужен наследник, Виктория вообще не беспокоилась бы на эту тему.

– Рэй, зачем мне жена?

– Как зачем? Чтоб наследника родила! Нельзя земли без наследника оставлять. Хоть и негожие они, и ссылка вечная, но ваши по праву.

Слух Виктории моментально вычленил нужное слово. Ссылка?

– Что за ссылка?

– Э-э-э…

– Рэй!

– Ну, коли вы теперь конт, то можно рассказать. Да только это разговор длинный и тайный. И Нанни надо звать. Она больше меня знает. – Рэй задумчиво поднес ко рту морковку и, откусив сразу половину, начал с треском ее жевать. – Да, господин мой, без Нанни никак.

В комнату вошел недовольный ксен. Сразу с порога он начал возмущенно говорить:

– Кир Алан, сейчас время исповеди, а вы меня отвлекаете. Вам известно, что…

– Молчать! – чуть слышно произнес конт, и ксен поперхнулся зародившимися в горле словами. – Ты, может быть, забыл, кто тебя кормит, ксен? На чьей земле стоит храм? Кто жертвует на его содержание? Или я уже не хозяин в своих землях?

Взывающий сердито засопел, но промолчал. Виктория тоже молчала, глядя на ксена пристальным тяжелым взглядом. Посмотрим, кто кого! Она знала, что если сейчас не укажет ксену его место, то потом очень сильно об этом пожалеет. В борьбе взглядов победил конт Валлид. Взывающий отвел глаза и спокойно спросил:

– Зачем вы хотели меня видеть, кир Алан?

Победа! Пусть маленькая, но победа. А о капле пота, стекшей по спине, никто и не догадается.

– Я хочу развестись с контессой Литиной Валлид, – спокойно сообщил черноволосый мужчина. – На основании того, что она не может родить мне детей. За десять лет нашего брака она ни разу не понесла, а мне нужен наследник.

Ксен этого не ожидал. Как не ожидали и Берт с Рэем. Все трое вылупились на хозяина. Но первым не выдержал Взывающий.

– Но это надо доказать. Может быть, причина не в кирене Литине, а в вас.

– У господина с этим делом все нормально, – улыбаясь во весь рот, сообщил Рэй, взмахнув огрызком морковки. – По деревням его ублюдков с десяток наберется.

Виктория при этих словах поежилась, однако в память отложила. Это тоже был вариант.

– Но для развода необходимо согласие Приближенного, – сделал еще одну попытку ксен.

– Вот ты ему и напиши. Сегодня же. Больше я тебя не задерживаю.

Ксен поклонился и с неестественно прямой спиной направился к двери. Как-то легко он согласился…

«А сейчас последний штрих. Я видела, голубчик, как в твоих глазах мелькнула ненависть. Может быть, и нападение ведмедя, о котором рассказал мне Берт, было делом твоих рук? Я пока не поняла, какие интересы ты преследуешь, но то, что ты здесь неспроста – догадалась. Для этого не нужно быть семи пядей во лбу. И еще я слышала, ты предпочитаешь мальчишек-рабов. Плоть ты усмиряешь, рассказываешь о коварных соблазнительницах, сторонишься женщин? Ну-ну… Насмотрелась я на таких в своем мире. Ну а если ошибаюсь, то ты намека не поймешь».

– Взывающий, – окликнул конт ксена, когда тот открыл дверь. – А как в Храме относятся к мужеложству?

– К чему этот вопрос, кир Алан? Вам мало рабынь? – не оборачиваясь, съязвил мужчина.

– Да вот, хочу оскопить одного насильника, да не хочу вызвать недовольство храмовников, – серьезно произнес конт, пропуская мимо ушей грубый намек.

– Официально осуждают, – буркнул ксен и вышел, громко хлопнув дверью.

А неофициально, значит, закрывают глаза. Мир другой, а нравы те же.

На следующий день Виктория вызвала к себе Берта. Рисковать она не собиралась. Ксен, как и обещал, написал официальный запрос на развод и отправил его в канцелярию главы Взывающих с проходящим мимо обозом, изложив в нем причину такого решения конта Валлид. Но, кроме этого письма, была еще записка в три слова: «Объект начинает беспокоиться». Пришла пора узнать, что это за ссылка, и кому мешает опальный конт. А пока подстрахуемся.

– Берт, я хочу, чтобы ты ухаживал за моей женой.

Берт упал на колени.

– Пощадите.

– Тебе ведь нравится кирена Литина, – Виктория внимательно следила за парнем. Интересно, как далеко простирается его верность? – Я не хочу убивать контессу, но если Приближенный откажет мне в разводе, у меня не останется выхода. Из этого замка у нее две дороги. В монастырь или на погребальный костер.

– Но это опорочит ее в глазах других аристократов, – тихо произнес Берт.

– А какое наказание предусмотрено простолюдину, позарившемуся на жену хозяина?

– Кнут или закапывание заживо, – прошептал Берт.

Да… О времена, о нравы. Убить Литину она не сможет. Пока не за что. Не убивать же женщину за то, что она глупа. Да и не факт, что это так. Может быть, она просто боится своего милого муженька-отморозка и от страха глупеет? Если Приближенный откажет в разводе – придется либо договариваться полюбовно, либо использовать одну из заготовок. Неплохо было бы остаться супругами для людей, но избежать исполнения супружеского долга. В этом тоже есть свои плюсы. Можно будет спокойно жить, не остерегаясь наплыва невест. Это хороший вариант и, пожалуй, даже лучший, чем развод. Только вот как к этому отнесется ксен? Ведь Литина на исповеди не будет врать. Необходимо выяснить, как далеко распространяется власть Храма в этом мире. Ладно, время покажет, каким путем пойдет конт Алан Валлид.

Виктория задумчиво смотрела на преклоненного слугу. Они попробуют провернуть эту аферу. А там, если контесса не устоит, то можно будет надавить… Кто, в конце концов, хозяин этих земель? И, кстати.

– Берт, как умер мой отец?

Глава 3

Пришли братья в новый мир,
оглянулись и принялись за дело.
Ирий создал луга и поля,
а Вадий сотворил горы неприступные и болота топкие.
Видя это, создал Ирий моря,
а Вадий бросил в них горсть соли,
и стала вода непригодна для питья.
II Песнь Жития

Виктория не спала. Она сидела на кровати и пялилась на мерцающий огонек единственной свечи, горящей в железном канделябре. Голова буквально пухла от мыслей. Хотелось сжать виски ладонями и завыть.

Каким же законченным негодяем нужно быть, чтобы вот так хладнокровно убить своего отца? Чтобы систематически избивать слуг, издеваться над рабами, насиловать крестьянок? Теперь ей понятен страх, который периодически мелькает в глазах Берта. Конт Алан приказал повесить раба только за то, что в птичник забралась ласка и утащила одну курицу. Псих. Недаром его боится собственная жена.

Неприятное ощущение. Словно тебя обвиняют в преступлении, которое ты не совершала. И ей теперь с этим жить.

– Где бы ты сейчас ни находился, Алан Валлид, я желаю тебе гореть в аду, и чтобы черти отрывали от тебя по маленькому кусочку раскаленными щипцами!

Только вот есть ли он, этот ад? Виктория нахмурилась. Она прекрасно помнила свою прежнюю жизнь, но что случилось после смерти – исчезло из ее памяти. Осталось лишь несколько слов на желтом листе бумаги: «Лучше жить, чем просто сдохнуть. Дышать, совершать безумные поступки, не боясь умереть, потому что теперь я точно знаю, что смерть – это еще не конец. Но как же там скучно!» Когда она это написала, она тоже не помнила, но не доверять себе повода у неё не было.

Да уж, посмертие – врагу не пожелаешь. Тело самоуверенного, жестокого, эгоистичного, себялюбивого отморозка. Один плюс – имидж создавать не надо. Зато все остальное – минусы.

Рэй и Нанни все же рассказали новому конту правду. И теперь Виктория мучительно соображала, что ей с этой правдой делать. Она вскочила на ноги и заковыляла по комнате, разгоняя мышей, шуршащих в соломе. Так думать было легче.

Страна Галендас, куда её занесло после смерти, состояла из разрозненных самостоятельных территорий с постоянно меняющимися очертаниями. Границы между владениями были весьма зыбки, особенно в горах и лесах. Земли, как и рабов, можно было продавать, дарить, менять, отбирать и завоевывать. Верховным сюзереном для всех являлся король. В стране существовали единые системы меры, длины и расчетов. Золотые монеты печатал только королевский монетный двор, серебро и медь – монастыри Храма. На большей территории мира поклонялись двум богам – светлому Ирию и темному Вадию. И только горцы и островитяне придерживались древней религии и веровали в духов предков, да друиды общались с духами природы.

Жена конта Валлида-старшего, судя по рассказам Рэя, была красивой женщиной. Очень красивой. Странно распорядилась судьба. У конта не имелось детей, и король был молодым бездетным вдовцом, для которого подыскивали очередную подходящую невесту среди соседских принцесс. В то время земли конта находились в нескольких часах езды от столицы. Балы, охоты, пиры… Король слыл бабником и, естественно, не смог пройти мимо красавицы кон-

тессы. Их роман длился почти год, после чего женщина поняла, что беременна. Когда она была в начале срока, король погиб – банально утонул в реке на радость врагам.

От гражданской войны страну спас Наместник Храма. Его Искореняющие за одну ночь арестовали всех смутьянов, избавились от недовольных, а на трон посадили регента – дальнего родственника короля, трехлетнего мальчишку, страдающего скудоумием. Несколько лет назад был заключен договор с соседним государством о браке регента с младшей принцессой. Теперь ждали, когда невесте исполнится шестнадцать лет, потому что по законам ее страны девочка становилась совершеннолетней именно в шестнадцать, а не в четырнадцать, как в Галендасе.

Фактически с тех пор страной правил Наместник.

В один из тех давних дней конта Валлид вызвали во дворец. Что там произошло – никто не знает, но в течение суток конт собрал верных ему людей, рабов, погрузил на телеги скарб, в карету – беременную бастардом короля жену, и длинный обоз направился в сторону моря. Новые земли конта Валлид были больше предыдущих владений, и многие восприняли это как милость регента. Но конт всегда говорил верному Рэю, что это ссылка. Фронтир никогда не был местом, куда отправлялись добровольно.

В положенный срок контесса родила здорового крепкого мальчика, обладающего отличительной чертой королевского рода – редкими для этого континента черными, как смоль, волосами и темно-серыми, почти черными глазами. Те, которые видели короля, сразу замечали несомненное сходство. Но конт Валлид позаботился, чтобы таких осталось как можно меньше. Двое. Верная нянька виконта Рэй Молчун и кормилица Нанни, ставшая впоследствии любовницей конта. Мать Алана умерла при загадочных обстоятельствах, когда ему было полгода. Говорили, что она отравилась, но Нанни в это не верила. Слишком контесса любила жизнь. Теперь, после смерти старого конта, о тайне рождения Алана знали трое – он, вернее, Виктория, пребывающая в его теле, Рэй и Нанни.

– Черт! Я имею все права на королевский трон. А оно мне надо?

Виктория задумалась. Власть – огромная ответственность и огромное испытание. И свобода, которую она дает – лишь иллюзия. А поэтому, забудем. До поры до времени. Потому что что-то подсказывало, что забыть об этом полностью ей не позволят. Нет, надо же… бастард последнего короля. Никак боги решили пошутить. Виктория остановилась напротив белеющей во мраке комнаты вышивки.

– Интересно, кто из вас пишет литорею моей жизни? Это ведь твоя работа? – Она ткнула пальцем в изображение Вадия.

Бог промолчал. Лишь замерцал в неровном свете бисер на рукояти его меча.

Сегодня она впервые покинет комнату. Страшновато. Женщина непроизвольно оттягивала этот момент до последнего. Эта комната стала своего рода убежищем, берлогой, куда Виктория спряталась от новой жизни. Спряталась, как испуганный кролик в норку. Но вечно прятаться нельзя. Нужно жить. Больше оттягивать выход в мир невозможно. И так по замку пошли слухи об одержимости молодого хозяина. Придется держать ухо востро и следить за собой, чтобы не выдать своей некомпетентности.

Конт, обхватив себя за плечи, сел на кровать, невидяще уставился в окно. Там, за окном, лежал новый мир. Как он встретит чуждую ему душу? Примет ли?

– Обоз! Вижу обоз! Всадники и телеги! – раздался приглушенный толстыми стенами крик.

Наступила тишина, чтобы спустя мгновение наполниться множеством звуков. Низкий завывающий лай-плач тау, ржание лошадей, крики и топот подкованных сапог по коридору за стеной. Виктория вскочила на ноги и остановилась в нерешительности. Сердце громко стучало о ребра, руки тряслись, во рту пересохло, а воздух вдруг стал вязким. Она бросилась к двери, но протянутая рука застыла над массивной кованой ручкой. Что делать? А если это нападение? Что она сможет? Она ведь никогда… А может быть, лучше переждать?

Отставить! Это твой замок! Это твои земли и твои люди! Ты никогда не была трусом! Что ты теряешь? Всего лишь жизнь, а умирать теперь не страшно, потому что ты знаешь: после смерти тоже есть бытие. Так что тебя пугает, Вавилова? Скажи себе честно. Ты боишься не справиться, боишься недоверия и ненависти людей, одиночества. Боишься поддаться мужскому телу и потерять свою сущность, забыть, кем ты была раньше, раствориться в конте Алане Валлид, стать таким, каким был он. Какие нелепые страхи! Пошли их подальше и живи! Ты никогда не узнаешь, на что способна, пока не попробуешь жить. В конце концов, смерть – это тоже своего рода приключение.

Конт оскалился, в дверь забарабанили, и она распахнулась, впуская внутрь Берта, нагруженного кучей одежды, и рыжую девушку с тазиком и кувшином. Виктория вспомнила, что на ней надет только черный шелковый халат на голое тело и обрадовалась догадливости Берта.

– Доброе утро, кир Алан, – поклонился слуга. – Я помогу вам одеться. Там у ворот купеческий обоз. Идут от Большого Пальца. Товар привезли на обмен и продажу. Рэй ждет вас.

Ну вот. Началось.

– Сколько человек? Какой товар? – отрывисто спросил Алан, ополаскиваясь над тазом холодной водой, которую лила на ладони рыжая служанка.

– Кир Алан, не гневайтесь! Я сразу к вам поспешил. – Берт бухнулся на колени и склонил голову.

Да что это такое? Виктория как раз набрала в рот густую горьковатую настойку, которая заменяла здесь зубную пасту. Она отлично отбеливала зубы, снимала налет и уничтожала запах изо рта. Но держать ее во рту нужно было долго, поэтому, пока она тщательно полоскала рот, считая до шестидесяти, слуга так и стоял на коленях, склонив голову.

– Берт! – зарычала она раскатистым голосом конта, сплевывая в таз. – Еще раз рухнешь на колени, когда я тут стою перед тобой почти голый и мерзну, будешь… – Виктория задумалась, она не знала, как звучит на местном языке слово «отжиматься», – …будешь упираться руками в пол, пока не рухнешь! А ты, брысь отсюда, – повернулась к испуганно всхлипнувшей девушке.

Рыжая служанка пискнула и, подхватив тазик, выбежала из комнаты. Ну и что такого она опять сказала? Виктория подняла глаза к потолку, а затем грозно посмотрела на слугу.

Берт внял и начал споро натягивать на мужчину местную одежду. Рубаха и узкие нижние штаны из тонкого беленого сукна, чулки, которые крепились к штанам завязками, шерстяная приталенная рубашка на шнуровке, черные брюки со штрипками, сверху кожаный доспех, состоящий из панциря и юбки, высокие сапоги.

Картину довершала перевязь с мечом.

– Ну и зачем мне меч? Опираться на него вместо трости? – пробурчал конт по-русски. – Хватит кинжала. Да и доспех лишний, от стрелы не убережет, только вес на ребра. Снимай!

Берт попытался возражать, но конт был непреклонен. Так и пошел на улицу в черной куртке из плотной ткани, напоминающей брезент, с одним кинжалом на поясе.

– Рэй будет ругаться, – выдвинул Берт последний довод, открывая перед контом дверь.

Виктория про себя усмехнулась. «Знал бы ты, мальчик, что для меня меч – это просто железная палка». А вот кинжалом она пользоваться умеет… Точнее, умела, … Лук или арбалет тоже знакомые предметы, но меч… А ведь придется как-то объяснять Рэю, отчего конт вдруг забыл, с какой стороны браться за оружие. Вся надежда оставалась на память тела.

Они вышли в коридор, моментально признанный Викторией шедевром минимализма – голые каменные стены, все украшение которых состояло из редких факелов и застывших у дверей воинов. Один из них распахнул перед контом дверь, ведущую в маленькую комнату, из которой слуга с господином попали на каменную винтовую лестницу. Виктория обратила внимание на массивную дверь, её при необходимости можно будет укрепить толстым дубовым брусом и запереть на железные засовы, перекрывая доступ с лестницы в жилые помещения. В случае нападения на донжон это даст преимущество обороняющимся. Потому что выбить

такую дверь, находясь в помещении три на три метра, весьма проблематично. Правда, и защитники попадали в ловушку.

– Берт, напомни, сколько этажей в донжоне? – поинтересовался конт, когда они спускались вниз.

Половину слов пришлось показывать знаками, все же словарный запас был пока невелик. Хорошо, что часть слов звучала схоже с чешскими, чем Виктория беззастенчиво пользовалась, выясняя таким образом у Берта значение того или иного слова.

– Подвал с колодцем и тюрьмой, потом хозяйственный этаж, там располагается и казарма стражи, на втором хозяйские спальни, на третьем гостевые комнаты, а выше никто не живет, – начал загибать пальцы Берт. – Туда в случае нападения Рэй лучников ставит.

Они вышли на улицу. Конт с удовольствием втянул по-ночному прохладный, пахнущий солью воздух. Небо только начало светлеть, везде лежали тени, слегка разгоняемые неровным светом факелов. Через распахнутые ворота во двор въезжали груженые телеги. Со всех сторон раздавались крики, ржание, вой тау, свистели кнуты, скрипели колеса, и над всей этой какофонией летел чистый голос петуха, поющего гимн новому дню.

– Телеги на задний двор! Лошадей в загон! Рабов запереть в сарае! Да пошевеливайтесь, духовское отродье, чтоб вас Вадий прибрал!

– Кто видел братьев Искореняющих? Их наш ксен разыскивает!

– Куда прешь?

– Разворачивай, разворачивай!

– Поторапливайтесь, выскребыши темного!

– Где капитан? Сколько подати брать с купцов за проезд?

Да уж. Весело. Виктория с любопытством осмотрелась. Ого! Да это целая деревня за высокими стенами. Большая территория была отгорожена массивной крепостной стеной, упирающейся в нависающие над замком отвесные скалы. Сам замок представлял собой квадратный донжон, возле которого они сейчас стояли, и пристроенное к нему двухэтажное здание. Над крепостной стеной, недалеко от ворот, возносилась ввысь темная сторожевая башня, на десятки метров возвышавшаяся над остальными строениями. Выложенный камнями двор сейчас напоминал суетливую базарную площадь. Вдоль скал располагались хозяйственные постройки, загоны для скота, каменные дома различной высоты, покрытые рыжей черепицей. От одного из них плыл щекочущий ноздри запах свежего хлеба. Все добротное, без излишков, построено основательно и надолго. Чуть в стороне, в окружении роскошного цветника, видного даже в предрассветном полумраке, гордо сверкал остроконечной крышей небольшой круглый дом. Храм. Интересно, Взывающий там и спит?

– Доброе утро, кир Алан, – раздался за спиной вкрадчивый голос ксена.

«Помяни черта», – подумала Виктория, медленно поворачиваясь к улыбающемуся мужчине. Что-то он сегодня слишком добр, это явно неспроста.

– Доброе утро, брат Взывающий. Как спалось, кошмары не беспокоили?

– Вы не снились, – не удержался от ответной шпильки ксен. – С обозом следуют Искореняющие, я взял на себя смелость пригласить братьев к утренней трапезе.

У Виктории неприятно кольнуло под ложечкой. Что здесь делает местная инквизиция? Но она взяла себя в руки.

– С удовольствием с ними пообщаюсь.

– Я в этом не сомневаюсь. Думаю, ни один из братьев не откажется принять у вас тайну исповеди, – злорадно добавил ксен. – А затем мы с великой радостью отслужим совместную мессу за ваше счастливое выздоровление. – «Либо за упокой твоей души», – читалось в глазах Взывающего. – Вы ведь придете сегодня к службе?

– Несомненно. Но впредь, ксен, не проявляй… – Виктория хотела сказать «инициативы», но этого слова в ее словарном запасе пока не было, – спешки, она наказуема, – с угрозой в густом мужском голосе закончила она.

– Кир Алан! – раскатистый бас Рэя предотвратил начинающийся скандал. – Брат Взывающий, благослови на день счастливый! – Гигант низко склонился перед ксеном, и Виктория еще раз подивилась его росту. – Ты бы, Турид, чем без дела стоять, братьев Искореняющих в мыльню отвел. У них телеги в грязи завязли у Большого Пальца, всем тянуть пришлось, так ксены нынче как духи Вадия чумазые, – хохотнул он. – Берт, проводи, а мы пока с киром Аланом наедине дела порешаем.

Взывающий бросил на него сердитый взгляд, но промолчал, развернулся и стремительно направился следом за Бертом.

– Как у тебя получается им командовать? – с уважением в голосе поинтересовался Алан у Рэя.

– Да кто в своем уме будет спорить с тем, кому подчиняются воины? – искренне удивился Рэй, запрыгивая на большой валун. – А вот объясните мне, господин мой, какого … вы без меча? Меч – это символ дворянина, это честь на кончике клинка, это ваша доблесть и отвага… – Конт закатил глаза, и Рэй понял, что бесполезно взывать к человеку с таким выражением лица. Капитан покачал укоризненно головой, прижал ладони рупором ко рту и заорал. Да так, что Алан отшатнулся. Низкий бас Рэя рикошетом ударился в скалы, отразился от них и вернулся стократ усиленным. – Всем собраться и приветствовать нового конта Валлид, нашего хозяина и защитника!

– Да что же ты так орешь, – затряс пальцем в ухе конт. – Так и до обвала докричаться можно.

– Не, – беззаботно махнул рукой великан. – Нечему тут обваливаться. С окружных скал все камни на постройку замка снесли.

Он протянул толстую золотую цепь, на которой висел большой, размером с пачку сигарет, пятиугольник с изображением двух скрещенных ключей.

– Вот, наденьте, чтобы люди видели, кто теперь в Крови хозяин.

Виктория взвесила цепь на большой мужской ладони. Тяжелая. Она улыбнулась и надела символ власти на шею, поверх куртки. Выглядело смешно, такая дорогая вещь украшает стеганую телогрейку, но Рэй не смеялся, и женщина тоже смолчала, проникшись торжественностью момента.

Во дворе перед донжоном начали собираться люди. Воины – Виктория насчитала двадцать девять человек – выстроились неровной шеренгой, рядом с ними угрюмой толпой стояли слуги. Среди них выделялась высокая крепкая женщина с большой грудью, вызывающе торчащей из глубокого полукруглого выреза. Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на конта с открытой неприязнью. Поверх платья на ней был надет белый передник со множеством кармашков. К ней жались три молодых женщины в таких же передниках и белых платках, надвинутых на глаза. Возле них крутился Берт. Отдельно от всех стояла друида. От ее внимательного взгляда стало не по себе. Рабы под охраной двоих воинов стояли позади всех. Их было много. Больше, чем слуг. Мужчины, женщины, дети. Не было только стариков. У всех одинаковые серые одежды без поясов и одинаковое выражение глаз. Страх.

– Конт Сани Валлид погиб, да здравствует конт Алан Валлид! – гаркнул Рэй.

– Здравия! Здравия! Здравия! – прокричали в ответ, как показалось Виктории – без особого энтузиазма.

– Замок Кровь приветствует нового хозяина и клянется служить ему до последней капли крови!

– Клянемся! Клянемся! Клянемся!

– Слово конта! – крикнул кто-то из воинов.

Рэй легко подтолкнул конта к камню. В первый момент Виктория стушевалась под взглядами множества глаз, но быстро сумела взять себя в руки.

– Я принимаю вашу клятву и со своей стороны обещаю заботиться о замке и о своих людях.

Судя по довольному лицу Рэя, ей удалось не напортачить. На том и разошлись. Тем временем начало светать, рабы затушили факелы, и теперь весь двор тонул в легкой дымке, придающей всему некую летучесть. Исчезли резкие и грубые очертания массивных строений, казалось, все вокруг на мгновение замерло в ожидании первых лучей солнца, вот-вот готового появиться из-за гор.

– Рэй, а откуда у замка такое название? – полюбопытствовал Алан, когда народ вернулся к своим делам.

– Ваш батюшка говаривал, что враги умоются кровью, пытаясь взять этот замок.

– И зальются слезами, – кивнул конт.

– Вы помните? Именно так и говорил старый конт. Он хотел назвать замок «Кровавые Слезы», но контесса его отговорила. Но есть еще одна причина. Неужели вы не помните?

Конт отрицательно покачал головой.

– Тогда нужно немного подождать.

Виктория смотрела на группу бородатых мужиков в сопровождении троих детей, неторопливо направляющихся в их сторону. Рэй свистнул. Спустя несколько минут к ним присоединился воин, приведший двух мальчишек-рабов лет по двенадцать, вся одежда которых состояла из драных штанов и широких кожаных ошейников с петлями для цепей. Виктория с удивлением на них посмотрела.

– Что вы здесь делаете?

– Так там дети, – ответил за рабов воин. – А вы терпеть не можете детей, господин.

– Это мальчики для битья, кир, – напомнил ему Рэй. – Вы же не будете лупить детей торговых партнеров.

– А я должна их лупить? – растерялась Виктория, не сразу поняв, о чем вообще речь.

Рэй посмотрел на конта с подозрением. О, черт! Она сказала о себе в женском роде? Как не повезло ксену, что он этого не услышал! Вот и был бы у святоши повод обвинить конта в одержимости. Нет, надо прекращать думать о себе как о женщине. Сейчас она мужчина и вести себя должна соответственно.

– Обычно вы так и делаете, кир, – усмехнулся Рэй, протягивая плетку с утяжеленным концом. Виктория машинально ее взяла.

Мать вашу! Да этим можно взрослому человеку спину рассечь, не говоря о худом подростке. Она повернулась к мальчишкам, под её взглядом дети сжались, а у женщины душа зашлась в немом крике. Один из павреньков был так похож на её среднего сына в детстве, что горло перехватило. Такие же непослушные вихры на макушке, льняные волосы, конопатый нос. И такой же колючий взгляд голубых глаз из-под белых выгоревших бровей. Даже пальцы на ногах точно такие же, как у её Саньки. Не понимая, что делает, она уронила плетку, упала перед пареньком на колени и прижала его к себе. Как там ее мальчики? Ребенок испуганно дернулся, а по щеке конта потекла слеза.

– Кир Алан, – взволнованный голос Рэя подействовал, словно ведро ледяной воды, вылитой за шиворот. – Вам плохо? Вина!

Плохо! Как же ей плохо! Это невозможно вытравить из сердца, как невозможно не помнить, не любить. Она бы сошла с ума, если бы ее сыновья сейчас были детьми. А так они взрослые, самостоятельные люди, они не пропадут. С ними рядом любящие женщины. Мужчины у нее дружные, не оставят друг друга и отца. Нужно взять себя в руки. Нужно жить здесь и сейчас и спасти хотя бы этих мальчишек от таких, каким был виконт Валлид.

Конт медленно отстранился от перепуганного ребенка, тяжело поднялся на ноги.

– Все в порядке, Рэй. Просто слабость.

– Интересно, какого рода эта слабость? – раздался ехидный голос ксена, и он гордо прошествовал мимо в сопровождении двух молчаливых монахов с низко надвинутыми на лица капюшонами. – В храм нужно чаще ходить, тогда и *такой* слабости не будет.

Виктория хотела ответить, но ксены уже скрылись за углом сарая, и последнее слово осталось за Взывающим.

– Головокружение, видать, у вас, господин мой, от свежего воздуха. Столько лежал в духоте без движения на одном бульоне, откуда тут силам взяться. Мясо надо есть и хлеб, и вино пить, чтобы кровь обновлялась, – бубнил Рэй, делая вслед ксенам обережный знак Вадия, – а вместо этого бегаете по улице почти голый. Вот уж получит у меня этот разгильдяй Берт… А вам еще наследника делать, вдруг что важное застудите…

– Рэй, не начинай, – простонал конт, едва сдерживая смех. – Нормально все со мной. Не суетись.

Старый нянька не поверил и развил бурную деятельность. Послал мальчишек за табуретом и водой, заставил конта сесть, выпить кислого вина из глиняной фляжки, которая висела у него на поясе, и сам к ней щедро приложился. Зачем-то пощупал лоб, покачал головой. Затем окинул подозрительным взглядом перепуганных рабов, задержавшись на их лицах, лукаво поглядывая из-под кустистых светлых бровей, поинтересовался:

– Господин мой, а чем это перед вами Берт провинился, что вы его пообещали поставить раком и драть, пока он сознание не потеряет?

– Что? Кто тебе такую чушь сказал? – взвился конт.

– Рыжая Эльса на кухне рассказывала. Мол, сама слышала, как хозяин грозился, что поставит Берта руками в пол, ну и заставит…

– Идиотка! – зарычал конт, в то время как Рэй громогласно расхохотался. – Тьфу на тебя! – Не удивительно, что ксен грязные намеки делает, видать, тоже наслушался этой балаболки. – Прикажи ввалить дуре по заднице, чтобы сплетни не разносила. Вот так и сделают голубым, – едва слышно пробормотал он себе под нос.

Купцы почтительно ждали в сторонке, пока конт соизволит обратить на них внимание. А Виктория глянула в их сторону и задала давно мучавший её вопрос.

– Рэй, кто заведует замковым хозяйством, казной, слугами?

– До сих пор ваш батюшка сам этим занимался. А пока вы лежали в беспамятстве, Нанни, Райка да я делами ворочали.

– А контесса Литина?

– Что вы, кир Алан! – Рэй достал откуда-то морковку, вытер ее о штаны и протянул конту. – Как можно обременять госпожу такими вопросами?

– А разве это не главная забота хозяйки – следить за порядком в своем доме? – Конт отрицательно помотал головой, отказываясь от угощения. Рэй философски пожал плечами и засунул источник каротина в рот. – Ладно, с женой я сам поговорю, – вздохнул Алан, – а ты разберись с купцами, и жду вас с отчетами. И еще… Золото у нас есть?

Виктория замерла. Вот сейчас и окажется, что Кровь перезаложена десять раз, кредиторы стоят у порога, а сегодня утром зарезали последнего петуха. Однако Рэй беспечно махнул рукой.

– И злато, и серебро, и медь. Пока хватает. Тратить их здесь, на фронтире, все равно некуда.

Ну, это она быстро исправит. Были бы деньги, а куда их потратить, всегда найдется. Виктория довольно улыбнулась. Рэй махнул рукой купцам и, подозвав свистом тау пегого окраса, дремлющую у порога, направился к телегам.

Конт повернулся к мальчишкам.

– Как вас звать?

– Я Ольт, а это Тур, он немой, – ответил один из них.

Значит, Тур. Вихрастый голубоглазый паренек. Хоть бы не назвать его Санькой. Смотрит внимательно, без страха, но с какой-то обреченной тоской.

– Он слышит? – поинтересовался конт.

– Слышит, – буркнул Ольт, глядя в землю. – Он нормальным родился, это хозяин ему язык отрезал.

– Я? – с ужасом прошептал конт.

Виктория совершенно этому не удивилась бы, столько сегодня узнала «интересного» о реципиенте, что, попадись он ей в руки, разорвала бы на мелкие клочки.

– Не, предыдущий, – хмуро сообщил паренек. – Его уже без языка купили.

Честно говоря, Виктория почувствовала огромное облегчение. Как бы она смогла жить среди этих людей, окажись причастной к этому ужасному поступку, женщина даже не представляла. «Нужно проверить тюрьму, – мелькнула в голове мысль. – Обязательно. Сегодня же».

– Хозяин изверг был, – помолчав мгновение, словно собравшись с духом, выпалил Ольт.

– Ты как разговариваешь? – Воин шагнул вперед и влепил мальчишке звонкую затрещину, от которой тот свалился на землю.

В то же мгновение мужчина отлетел в сторону, буквально снесенный мощным ударом в челюсть. Виктория с удивлением посмотрела на свой кулак. Нифигасе, как говорил ее младшенький. Ну и силища! Пожалуй, ей начинает нравиться это тело!

– Не сметь бить детей! – рявкнула она воину, на скуле которого наливалось синевой красное пятно. – А ты не дерзи! – повернулась к мальчишке, с восторгом и злорадством смотревшему на стражника. – Иначе будешь вместе с Бертом упираться руками в пол, – добавила угрожающе.

Виктория знала, что баловать детей нельзя, они сразу почуют слабину и сядут на шею моментально, а этого нам не надо. Но и издеваться над детьми она не позволит.

– Тур, приведи ко мне Берта. А ты, Ольт, собери всех детей. Да оденьтесь и снимите эти… украшения.

Рэй, услышав шум, повернул голову, готовясь бежать спасать своего воина от гнева воспитанника, но, увидев, что конт не собирается сдирать с чем-то расстроившего его стражника шкуру, расслабился. Странный какой-то Алан. Словно подменили. Как очнулся, ни разу девок не потребовал, в пыточную не спускался, вина хмельного почти не пил. Грамоту освоил, хотя раньше его заставить не могли. И сам сдержанный стал, внимательный. Неужто на него так ответственность повлияла? Раньше ведь кем он являлся? Вторым после папаши. Как старый конт скажет, так и будет. Вот и бесился, подчиняться-то с детства не любил. А сейчас все принадлежало ему. Он полноправный хозяин Крови, да еще узнал, что может претендовать на трон. Наверное, это изменило парня. Обязательства перед людьми и богами заставляют думать. Это Рэй знал по себе. Еще бы наследника рода Валлид дождаться, и можно помирать спокойно. «Выполнил я твой наказ, кирена Ксана. Вырастил твоего сына. Ты уж прости, если что не так. При встрече выскажешь, госпожа моя драгоценная».

Детей было немного. Всего восемь человек. Две девочки, остальные мальчишки. Ольт и Тур оказались старшими. Четырнадцатилетние уже считались взрослыми, и Ольт их не приглашал. Еще двое пареньков погнали лошадей в ночное. Дети выстроились перед сидящим на камне у скалы контом, испуганно поглядывая на воина, стоящего рядом. Одна девочка, крепко ухватившись за рубашку Ольта, едва сдерживала рыдания. Тур стоял чуть в сторонке от всех. Честно говоря, Виктория ожидала худшего. Она видела в своей жизни рабов. Приходилось. И очень боялась встретить изможденных, забитых детей с мертвыми глазами. Этих еще можно было спасти.

– Привет. Я вот тут подумал, что мне нужны будут в будущем образованные слуги. Хочу, чтобы вас учили грамоте.

Конт замолчал. Дети испуганно переглядывались, лишь Ольт, который, судя по всему, был заводилой, несмело спросил:

– Это чтобы продать нас дороже?

– Нет. Это чтобы меня окружали умные люди. Я обещаю, что никого из вас продавать не буду, если и вы мне пообещаете.

Тут девочка, которая до сих пор едва сдерживала всхлипы, не выдержала и разрыдалась в голос, захлебываясь слезами и воздухом, подвывая и зажимая рот ладошками.

– Ее мать была одержима духами Вадия. Искореняющие ее забрали, – буркнул Ольт, прижимая девочку к себе. – Сожгли ее. За то, что читать умела, – совсем тихо прошептал он, гладя подругу по голове.

И что сказать этим детям? Кто вернет маленькой рабыне мать? Кто вернет им веру в людей? Как они могут поверить конту Валлид, олицетворяющему в их глазах все худшее, что есть в людях? Это будет сложнее всего – завоевать доверие детей. Взрослые могут приспособиться, схитрить, соврать, притвориться, но дети чисты изначально, они чувствуют фальшь. И если они поверят, их нельзя будет подвести. Дети никогда не простят и не поймут. Конт Валлид протянул руки.

– Иди ко мне, малышка. Иди, не бойся.

Девочка вцепилась в Ольта и замотала головой. И тогда Тур, до сих пор внимательно, без тени улыбки наблюдавший за контом, сделал то, чего от него никто не ожидал. Он подошел к девочке, взял ее за руку и подвел к сидящему мужчине. Твердо посмотрел в глаза конту. Викторию словно молнией пронзило, настолько недетским был этот строгий взгляд. Паренек долго вглядывался в серые глаза, а потом чуть-чуть улыбнулся и вложил маленькую ручку заплаканной девочки в большую ладонь хмурого мужчины. Конт кивнул ему, Тур тихонько отошел и вновь встал в сторонке от остальных детей.

– Малышка, смотри на меня, – тихонько произнесла Виктория, поглаживая девочку по голове. – Все то, что с тобой случилось, было в прошлом. Я не могу вернуть твою маму, но сейчас она смотрит на тебя с небес и гордится своей девочкой. Помни ее, и она, где бы ни была, будет помнить тебя. – Девчушка всхлипнула, затихла, уткнулась взглядом в землю, лишь изредка вздрагивали худенькие плечики. Совсем малышка, лет семь, не старше.

– Крамольные речи говорите, кир Алан, – раздался тихий голос, и один из братьев Искореняющих вышел из-за угла сарая. – Одержимая гниет в нижнем мире и никак не может смотреть с небес. Черви пожирают ее плоть, злобные птицы выклевывают глаза, и мука сия на радость Вадию длится вечно.

– Не слушай его, – шепнул на ухо девочке конт, – он все перепутал. Я клянусь, – возвысил он голос, – что никто в замке Кровь больше не будет продан, если он сам этого не захочет. Вы принадлежите мне – конту Алану Валлид, а я своих не бросаю. А вы подумайте над моим предложением, завтра мы вновь соберемся, и вы расскажете, что решили. А теперь – кыш! – Дети исчезли моментально, только Тур на секунду задержался и бросил на конта странный взгляд. Виктории показалось, что в нем мелькнула надежда, мелькнула и погасла.

А кто говорил, что будет просто? Никто.

– Когда вы были на исповеди, кир Алан? – мягко произнес приезжий ксен.

– Не помню, брат Искореняющий. После удара по голове у меня сплошные провалы в памяти.

– Откуда вам известно, куда попадают после смерти души?

– А разве это тайна? Мне отец рассказывал! – прости, старый конт, но ты умер, а нам еще пожить охота.

– А он откуда об этом узнал?

– А что, это секрет?

– Для служителей Ирия – нет, но дворяне обычно не интересуются такими вопросами.

– Как же вам удается держать людей в повиновении?

– Храм должен нести в массы веру, а не запугивать прихожан.

– Ой, не рассказывайте мне сказки, брат Искореняющий, – усмехнулся конт Валлид, опираясь спиной о камень. Солнце как раз появилось из-за гор и теперь отражалось от красной скалы, наполняя двор бликами рубинового цвета, казалось, что замок залит кровью. Вот о чем говорил Рэй. Красиво. – Если народ не пугать муками мира Вадия и не обещать блага мира Ирия, то чем его можно удержать в рамках заповедей божиих?

– А в уважение и любовь к богу вы уже не верите? – Ксену было явно любопытно общаться с контом.

– Не верю, брат Искореняющий. Вот такой я… неверующий… – интересно, как звучит на местном языке «скептик»? Словарного запаса не хватало катастрофически. – Люди должны заблуждаться и бояться, тогда есть шанс заставить их делать то, что вам нужно.

– У вас интересный взгляд на веру, кир Алан. Я бы с удовольствием продолжил нашу беседу в более располагающей обстановке.

– Надеюсь, не в моей пыточной? – двояко пошутил конт.

– О, нет. Пока нет, – кротко улыбнулся ксен. Капюшон скрывал его лицо, и можно было увидеть лишь губы и овал выбритого подбородка.

Риторику Виктория Викторовна изучала в университете и могла часами беседовать ни о чем. Очень полезная привычка, между прочим. Не раз выручала в жизни. Так что поговорим. Языком молоть – не мешки ворочать. Да и что жители этого мира могут противопоставить знаниями землянки двадцать первого века? Неужели не отбрешется? Да запросто! Нравы здесь просты, люди незамысловаты, и вряд ли кого-то всерьез удивит поведение конта. Особенно после ранения. Какой спрос с больного на голову человека? Не сожгут же его на костре за небольшие отклонения от нормы?

Виктория про себя самодовольно усмехнулась, еще не зная, как же сильно она ошибается.

Раздался скрип и шум катящейся по склону гальки. Женщина подняла голову. Прямо на нее летел камень. Большой. Очень большой. Огромный. И кто утверждал, что здесь нет обвалов? Виктория метнулась в сторону, но не рассчитала размеров нынешнего тела, камень слегка задел плечо, и она упала, зацепившись о неровность на земле. Вздохнув с облегчением, начала подниматься, не подумав, что камень может быть не один. По пути булыжник прихватил с собой в полет несколько голышей поменьше, они с легким шорохом россыпью слетели со скалы, и один из них хорошенько ударил по многострадальной голове конта. Дьявол!

– Убили! Убили! Искореняющий убил господина! – еще услышала она вопль рыжей Эльсы. Голос девицы звучал подозрительно радостно, и Виктории захотелось треснуть эту шумную занозу чем-нибудь тяжелым, но день исчез, наступила беззвездная ночь.

Глава 4

…Тогда создал Ирий реки и родники,
а Вадий превратил часть суши в песчаную пустыню.
Ирий вырастил из песчинок животных полезных,
а Вадий из глины слепил хищников и гадов летающих и ползучих.
III Песнь Жития

– А я вам говорю, это дух Старка мстит конту, – шептала одна из кухарок, рассыпая по столу пригоршню крупы. Проворные пальцы ловко выхватывали черные зернышки, откидывая их в отдельную кучку. – Когда конт приказал его четвертовать, он его проклял! – Она смахнула чистое зерно в глиняную миску с отколотым краешком и потянулась за следующей порцией.

– Глупости, – Райка деловито шинковала овощи, изредка поглядывая на большой закопченный котел, висящий над открытым огнем. В нем закипал бульон, и стряпуха боялась прозевать момент, когда вверх пойдет серая пена. – Я была на казни. Старк не мог проклясть хозяина. Ему первым делом вырвали язык.

– А я говорю, проклял! Он когда на дыбе висел, тогда и проклял! Зверем обещал обернуться и прийти за киром Аланом! Мне Нюха говорила, а ей Леона сказала, а ей Жека рассказал, он-то врать не будет! – не унималась кухарка.

– Это безухий? – с любопытством повернулась в их сторону еще одна женщина. – А я все думаю, что это Нюха к нему на стену бегает в его дежурства, – хихикнула она. – А может и правда, а, тетка Райка? Господина-то ведмедь подрал. А день, помните, какой был? Тарании Воительницы! В этот день все проклятия сбываются!

Старшая кухарка только хмыкнула, но говорить ничего не стала. Сняла пену с бульона, засыпала в него овощи и только после этого ответила:

– Не часто братья Искореняющие с обозами ходят. Сам Создатель их к нам направил, если это происки Вадия, они узнают. – Женщина осенила себя щепотью Ирия. – А вы болтайте меньше…

– Ой, бабоньки, что расскажу!

В кухню влетела возбужденная служанка, воинственно несущая перед собой корзину, полную маленьких красных яблок. Она поставила ее на низкий табурет и, поправив платок, из-под которого выбились рыжие пряди, заговорщицки подмигнула Райке. Девушку распирало от желания вывалить все новости сразу. Она набрала полную грудь воздуха и…

– А тама Рэй Молчун пришлого ксена в тюрьму посадил! И Берта тоже! А контесса над господином рыдает. Помер, наверное! А наш ксен кричит на Рэя. А капитан и его грозит в камере запереть, коли не успокоится! А купцы коней напоили, сторговались и ужо дальше поехали, солнце-то высоко. А может, это кто из купцов каменюку в хозяина запустил? А с ними один из Искореняющих уехал. А… – Она на секунду остановилась, чтобы набрать воздуха и выдать следующую тираду, но тут в кухню вошел кто-то из рабов, и девушка замолчала.

– Ох, горе, какое… – пробормотала Райка, растерянно переглядываясь со своими помощницами.

«Интересно, здесь уже изобрели каски? – было первой мыслью Виктории, когда она пришла в себя. – Если нет, значит впору изобретать. Какое счастье, что у конта оказался такой крепкий череп!.. И такие маленькие мозги…» – ехидно закончил внутренний голос. И не поспоришь.

Виктория прислушалась, не открывая глаз. Рядом кто-то тихо молился. Супруга любезная. Бормотала что-то себе под нос, и не разобрать – Ирию светлому возносила молитву или

Вадию злокозненному. Кто-то громко орал, судя по раскатистому басу – Рэй. Стало интересно, на кого это он так?

Голоса приближались, и вскоре Виктория с трудом, но смогла различать слова. Похоже, спорщики остановились недалеко от открытого окна.

– Здесь фронтир! – зло басил Рэй. – Кто придет к тебе на помощь, ксен, если на Кровь нападут игуши? Кто поведет людей в бой? Король? Наместник? Храмовники? До столицы три десятницы пути, даже если регент решит нам помочь, к тому моменту от тебя не останется и горсти пепла!

– Ты призовешь на нас гнев Наместника, капитан! – чуть громче, чем обычно, отвечал ему голос Взывающего.

– Плевать! Никто не видел, что произошло с контом. Они были вдвоем с Искореняющим. Теперь кир Алан лежит с пробитой головой, а ксен только руками разводит!

– А я давно говорил, что на скале надо пост оборудовать! А ты мне что отвечал? Что со сторожевой башни скалы просматриваются как на ладони! И что же ты увидел?

Ксен сведущ в военном деле? А вот это уже любопытно.

– Сглупил! – резко ответил капитан. – Кто же знал? Но теперь сделаю там заставу.

– А тебе не кажется странным поведение кира? – елейным голоском спросил Взывающий.

– Не кажется, – буркнул Рэй, но как-то неуверенно.

– Он не помнит прошлого, но знает о духах. Когда это кир Алан интересовался такими вещами? Он слишком трепетно стал относиться к детям, которых терпеть не мог. Он перестал обращать внимание на женщин, зато дни напролет проводит в обществе своего слуги, которого раньше через день приказывал пороть на конюшне. Он говорит крамольные речи! И ни разу не был на исповеди с тех пор как пришел в себя. А говорит, как ребенок! Странный он. Странный!

– Друида сказала, что речь восстановится! А то, что он слова странно произносит, такое тоже бывает. Дети вон много чего выговорить не могут. Он стал контом, и ответственность за людей его изменила, – попытался Рэй защитить хозяина. Правда Виктория услышала в его голосе некоторую задумчивость, словно воин пытался убедить в первую очередь себя. – Ты хочешь сказать, что он сам себе голову размозжил?

– А кто знает? Я не удивлюсь, если его обуревают духи Вадия! – запальчиво заявил ксен. – Не ссорься с Храмом, иначе здесь уже через три десятницы будет отряд братьев Искореняющих.

– Отобьемся! Я не отдам хозяина на растерзание этим…

– Молчи, несчастный! Даже у камней есть уши!

– Турид, – прорычал воин, – уйди! Не вводи в искушение.

Послышались топот, стук двери, и спорщики вошли в комнату.

– Кирена Литина! Прикажите капитану выпустить брата Искореняющего из тюрьмы! – предпринял ксен последнюю попытку выручить собрата.

– Капитан, – раздался испуганный голос контессы. – Немедленно выпустите ксена из тюрьмы и попросите у него прощения!

– Простите, кирена, но, пока жив мой господин, только его слово является законом. Как он? Не пришел в себя?

– Нет, – коротко ответил голос друиды, и на лоб конта легла холодная мокрая тряпка. – Шли бы вы орать в другое место, и контессу заберите. Нечего ей на это смотреть. Сомлеет вот-вот.

Раздались сопение, пыхтение, тяжелые шаги, и наступила тишина. Если лекарка и оставалась в комнате, то дышала она совершенно беззвучно.

«Спасибо, Рэй. За верность и за веру в конта. Неспроста ты у окна остановился. Ох, неспроста. Но я! Какая беспечная идиотка! – замелькал в голове ледяной калейдоскоп из мыслей-снежинок, перебегая на спину, стекая холодным ознобом прозрения по позвоночнику.

Только сейчас Виктория посмотрела на свои поступки со стороны. Глазами местных. И застонала про себя. – Самоуверенная дура! А ксен – молодец, сразу тебя раскусил, моментально заметил все несоответствия. Умный мужик, в отличие от некоторых глупых баб! Расслабилась? В сказку попала? А в этой сказке тоже умирают. И умирают тяжело – с болью, с муками, захлебываясь собственной кровью и дерьмом. И близкие гибнут, и детей убивают, и рабство, и храмовники, и какие-то игуши. Тебе дали шанс, так воспользуйся им! Попробуй улучшить жизнь этих людей. Выживи сама. Докажи всем, что ты чего-то стоишь и в этом мире».

Несколько минут она костерила себя на все лады, выбирая самые обидные и нелицеприятные эпитеты. Но, в конце концов, успокоилась, собралась и занялась анализом.

Во-первых, нужно запомнить раз и навсегда, что теперь она – мужчина! И думать должна как мужчина. Долой эмоции. Сложно? Да, сложно. Но нужно привыкать. Больше никаких мыслей о себе в женском роде. Хватит одного прокола. Она – конт! У нее власть, поэтому некоторую эксцентричность ей простят. Простят даже восторженные взгляды на широкие плечи Рэя, главное – чтобы она не начала с таким же восторгом смотреть на симпатичную попку Берта.

Во-вторых, нужно налаживать отношения с Храмом. И обязательно выяснить, с какой целью здесь находится ксен Турид. Не хочется кормить шпиона и врага. Значит – постоянная слежка. Для этого целесообразно использовать детей. Кто обратит внимание на снующего по замку ребенка?

В-третьих, требуется срочно придумать оправдание глупому поведению во дворе. Падение на колени перед мальчишкой-рабом, слезы, мягкость. Лучше бы она озаботилась их одеждой и питанием. «Выдержка, конт Валлид, и еще раз – выдержка! Считай, что это очередное задание, и его нужно выполнить, оставшись при этом живым».

В-четвертых, придется забраться на скалу и все там осмотреть. Сам валун упал или с чьей-то помощью? И еще нужно организовать там пост, как советовал Рэю ксен.

В-пятых – жена…

– Хватит валяться, – раздался голос друиды. – Я же вижу, что ты давно очнулся.

– А отчего тогда молчала?

Конт сел, кривясь, выпил горькую настойку, подсунутую ему пожилой лекаркой. Зато мозг моментально вышел из тумана и заявил о своей работоспособности.

– Хотела, чтобы ты послушал, – без улыбки сообщила друида, присаживаясь на край топчана, на котором лежал господин.

– Ну, послушал, – буркнул конт, рассматривая женщину, посмевшую разговаривать с ним, словно он не хозяин, а конюх.

Вблизи она оказалась не такой уж и старой. Невысокая, худенькая, с россыпью мелких и тонких морщинок в уголках глаз и над губами. Седина, почти не заметная в светлых волосах, небольшие пигментные пятна на щеках и чуть уставшие светло-зеленые глаза выдавали возраст. Ведьма.

– Тебя служкой Вадия не обзывают? – хмыкнул конт, поправляя подушку, чтобы удобнее было сидеть.

– Искореняющие считают, что в некоторых ворожеях живет анчута, – спокойно ответила лекарка. – Анчута занимает тело, изгоняя его хозяина. Злой, темный дух. Из тех, которых победил светлый Ирий да запер на горе в пещере, а Вадий выпустил.

– Зачем? – с любопытством спросил конт.

– А из вредности, – лукаво усмехнулась друида. – Здесь, на фронтире, кличут таких, как я, друидами, а сами мы себя называем травницами-ворожеями. Знания передаются от ворожеи к ворожее только по женской линии.

– У тебя есть, кому передать?

– Есть, конт, не бойся, – чуть улыбнулась друида.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Ты знаешь, что каждый пояс – это описание жизни свободного человека? – игнорируя его вопрос, спросила травница. – Основной цвет – цвет рода. На твоих землях – это голубой. По нему пускают цветной орнамент. Каждая нить что-то значит. Белая – единственный ребенок в семье, желтая – старший, розовая скажет знающему, что дева готова к замужеству, а синяя поведает, кто из парней ищет жену.

Конт бросил взгляд на широкий пояс травницы. Черный, коричневый, красный, зеленый, и ни одной голубой нити.

– И что означает твой пояс, ворожея?

– Черная – глава рода, красная – вдовство, зеленая нить говорит, что я достигла наивысшего мастерства в своем ремесле, а коричневая – что у меня есть ученики.

– А твой род?

– Ворожеи не принадлежат никому. Мы приходим и уходим по собственному желанию.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – повторил конт, нахмурив лоб.

– Пояс – это еще и оберег. Очень сильный оберег, конт. Поэтому пояса отбирают у рабов.

– И? – Конт начал злиться. Надоели до чертиков эти загадки.

– Где твой пояс? – наклонилась к нему друида.

– Не знаю.

Виктория растерялась, начала лихорадочно соображать, видела ли она в комнате пояс. Выходило, что нет.

– Знаешь, отчего твоя рана на боку воспалилась и чуть тебя не убила? – Ворожея подвинулась ближе. От нее пахло сухими травами и дымом. – В мазь, что я для тебя сделала, кто-то добавил яд горной гадюки. От него нет противоядия. Как только яд попадает в рану и смешивается с кровью, он начинает убивать. Три дня, конт, и ты мертв. Тебе мазали бок почти десятницу, и ты смог сам вскрыть рану, будучи вполне здоровым телесно.

Наверное, оттого, что она из другого мира? У неё иммунитет? Но как это возможно? Виктория растерянно смотрела на травницу. А та наклонилась к самому лицу, так близко, что стало видно собственное бледное отражение в зрачках ворожеи, и прошептала:

– Тебя хотят убить. И я бы промолчала, если бы ты оставался прежним.

– Зачем ты мне это говоришь? – в третий раз едва слышно спросил конт.

– Потому что ты изменился.

– Не боишься?

– Что такое смерть, конт? Всего лишь шаг к свободе. Тебе ли не знать?

С этими словами ведунья встала и, бросив тряпку в миску с водой, пошла к выходу, придерживая подол черного платья.

– Как твое имя?

– Друида.

И как это понимать? Как намек или как предостережение? Сначала ведмедь, затем яд, сегодня камнепад… Если быть откровенной, Виктория не удивилась. Она бы тоже попыталась убить реципиента, встреться он ей раньше. Но теперь эта жизнь принадлежала ей, и терять ее не хотелось. Так кто же этот таинственный убийца? Тот, кто имел доступ к лекарству. Ксен? Берт? Нанни? Рэй? Литина? Это может быть любой из слуг. Пока она валялась в отключке, кто угодно мог зайти в покои.

Мужчина встал и задумчиво вышел следом за травницей на улицу. Оказывается, он лежал в светелке, на первом этаже пристройки, примыкающей к донжону. Тут же к нему подбежала Кусь и уткнулась мордой в опущенную ладонь.

– Рэй! – заорал конт.

Но вместо Рэя из кустов выскочил ксен, словно он сидел там в засаде, и чуть ли не бегом направился к Алану. С другой стороны от конюшни бежал Рэй. Говорить они начали одновременно, не доходя до господина нескольких метров.

– Кир Алан, прикажите немедленно освободить брата Искореняющего!

– Господин мой, зачем вы встали? Да еще и без куртки!

– Кир Алан, вы не имеете права…

– Сейчас прикажу приготовить вам завтрак…

– Молчать! – гаркнул конт, которому надоело слушать этот галдеж. – Рэй, немедленно освободи ксена и пришли ко мне Берта.

– Но Эльса видела, как брат Искореняющий подбрасывал в руке камень, которым ударил вас по голове! – пробасил гигант, бросив на ксена неприязненный взгляд.

– Глупости! Камень свалился на меня сверху! – Конт потер большую шишку на макушке, стоящий рядом ксен поджал губы, но промолчал, только метнул в сторону капитана бледно-голубой взгляд-молнию. – И пришли ко мне Эльсу!

С этой сплетницей надо было что-то делать. Но пороть ее Виктории не хотелось. Зато она придумала кое-что другое. Подозвав пробегающего мимо раба, выдала короткое распоряжение.

Когда Эльса с заплаканными глазами, на дне которых плескались скорбь и негодование целой вселенной, вернулась на кухню, ее встретил дружный хохот. В зубах девушка держала толстую деревяшку с дырками по краям, через которые была продета веревка, туго завязанная на затылке.

– До вечера! – раздался со двора зычный голос конта. – А в следующий раз в кожу одену!

Райка покачала головой, поставила перед друидой чашку с похлебкой и сама тяжело опустилась на скамью напротив.

– Давно нужно было этой трещотке язык укоротить. Ты не знаешь, что это за пытка «одеть в кожу»?

Травница только усмехнулась и отрицательно покачала головой.

Разобравшись с рыжей служанкой, Виктория прошла к тому месту, где поймала камешек многострадальной черепушкой конта. Рядом с нею неслышной тенью скользила Кусь, а позади громко топали два воина. Оба бородатые, в кожаных доспехах, с короткими мечами на поясах. У одного за спиной висел лук. Виктория тщательно осмотрела валун, затем, задрав голову, попыталась рассмотреть, что там, на вершине, но ничего не увидела. Она бросила взгляд назад – с крепостной стены тоже вряд ли что-то можно будет рассмотреть. В этом месте обзор закрывает донжон. Придется подниматься. В принципе, ничего сложного. Скалу покрывали небольшие трещины и углубления, и при должной сноровке подняться наверх не должно было составить труда. Тем более что скалолазание являлось одной из дисциплин, которые ей пришлось изучать в свое время. Да и новое тело не мешало бы проверить в работе.

К ним подошел Берт. Господин бросил на него внимательный взгляд.

– Рэй? – Он указал на синяк, ярким пятном украсивший левую половину лица парня. Слуга кивнул. – За что?

– За то, что оставил вас одного.

– За дело, – усмехнулся конт. – Три кинжала, веревки и мальчишку. Ольта позови, – коротко приказал он, прикидывая маршрут.

У Берта перед глазами встала страшная картина – как конт пришпиливает раба кинжалами к скале, но, глянув на безмятежное лицо господина, он отогнал от себя это видение. Кир последние дни оставался непривычно спокойным, может, и в этот раз обойдется? Берт развернулся бежать и выполнять приказ, но остановился, прислушиваясь.

– Кир Алан, – подал голос один из воинов. – Так сменял капитан утром мальчишек на взрослых рабынь. Немого и…

– Р-э-й! – Воплю конта позавидовал бы Терминатор. – Убью!

Когда успел? Зачем? Неужели решил таким образом оградить воспитанника от дурных поступков? Он что, подумал, что конт на мальчиков позарился? «А что ему еще думать, когда ты их тискала на виду у всех?» – съехидничал внутренний голос. В груди закипала горячая обжигающая лава, состоящая из бешенства, злости, страха за детей и дурных предчувствий. А еще к ним примешивались стыд и горечь. Стыд за несдержанное слово. Ведь Виктория пообещала этим детям, что их не продадут. Она дала им надежду! Что же за владетель, не умеющий держать свое слово? Нужно исправлять, пока не поздно.

Приказы сами слетали с губ без участия мозга:

– Коня! Провожатого! Быстро! Вы, двое, со мной! Берт, ты тоже! Передайте Рэю, чтобы на глаза мне не попадался!

Да, правильнее было бы отправить за обозом кого-нибудь другого, но кого? Рэю она не доверяла. Берт не пользовался авторитетом среди воинов, а больше Виктория никого и не знала. Её принцип: «Хочешь, чтобы сделали хорошо, сделай это сам», – еще ни разу не подводил. Не привыкла она пока перекладывать решение своих проблем на чужие плечи. Да и не на кого было.

Только сейчас Виктория поняла, что такое абсолютная власть. Ее приказания исполнялись моментально. Никто не переспрашивал – зачем, куда, почему? Странно, но Рэй так и не появился. Видно воспринял приказ буквально и спрятался от гнева конта. Ничего, им еще предстоит разговор.

Спустя четверть часа замковые ворота начали медленно отворяться, а к конту подвели огромного вороного жеребца. Ужас! Это конь? Этот мир явно страдает гигантоманией. Высокие люди, огромные собаки и гигантские кони. Да уж… Ездить верхом Виктория умела, а конт с детства пользовался этим средством передвижения, поэтому проблем не возникло. Память тела – великолепная штука. Самым трудным оказалось залезть на эту гору. Но тут один из рабов встал на четвереньки. Виктория на секунду замерла, прежде чем поставить ногу на спину мужчине, но затем все же воспользовалась этой импровизированной ступенькой и наконец-то воцарилась на спине жеребца, дав себе зарок научиться забираться в седло самостоятельно.

Когда они отъехали от ворот с километр, раздался свист, и их нагнал отряд из десяти воинов под предводительством Рэя. Старый воин был зол, но при этом чувствовал себя виноватым и старательно отводил взгляд.

– Куда? Без кольчуги, без меча!

Пришлось спешиться, облачиться в тяжелую кольчугу, сунуть меч в специальную петлю на сбруе и выслушать оправдания ставшего на одно колено Рэя.

– Кир Алан, простите меня, дурака старого! Я же для вас старался. Девок взял молодых. Зачем вам эти дети? Толку от них никакого… да и контесса осерчала…

– Рэй, слишком много ты стал себе позволять. Я благодарен тебе за то, что присмотрел за Кровью, пока я валялся раненым, но теперь я на ногах. Я уже не лежу без памяти. Никогда впредь не смей принимать за меня решения, – перебил его конт со сталью в голосе. – Никогда. Я этого не потерплю. Об остальном поговорим, когда вернемся в замок. – Виктория почувствовала непреодолимое желание ударить склонившегося перед ней мужчину. Она едва сдержалась.

Воин поклонился, помог конту сесть в седло, и они продолжили путь.

Скачка была бешенная, и это оказалось совсем не так приятно, как на конной прогулке по паркам родного города. Но больше, чем физические неудобства, ее мучили душевные страдания. Виктория гнала от себя дурные мысли, но отчего-то перед глазами вставали картины истерзанных детских тел. Она не смотрела по сторонам, хотя в другое время обязательно полюбовалась бы окрестностями. Не сейчас. Потом, все потом, когда дети будут с ними. А еще в мозгу жужжала назойливой мухой мысль: «Опаздываем».

– Быстрее, быстрее, – хрипел конт, прижимаясь к шее жеребца. – Опаздываем, безнадежно опаздываем…

Они нагнали обоз посреди большой деревни в этом мире называемой веской, в центре которой поднимался вверх тяжелый дым, толстым клубящимся столбом уходя в небо.

– Это Высели, – крикнул Берт. – В Выселях что-то горит!

– Перестроиться! – заорал Рэй и покрутил над головой кулаком с тремя оттопыренными пальцами.

Виктория вновь поразилась силе его голоса. Ему бы в опере петь.

Воины слаженно выполнили команду. Трое арбалетчиков выехали вперед, у одного из них на тонком древке, закрепленном за спиной, развевался голубой вымпел с изображением двух скрещенных ключей. Еще двое воинов заняли места по бокам от конта. Алан придержал коня, заставив его перейти с галопа на рысь. Берт верхом на пятнистой кобыле перестроился в конец отряда. Он был единственным безоружным, слугам в этом мире оружие носить запрещалось. Виктория про себя усмехнулась. Для нее меч тоже оружием не являлся. Если только огреть им кого-нибудь плашмя по голове.

К деревенским воротам подъезжали уже шагом. Виктория с благодарностью похлопала коня по крутой шее. Умница, доставил в целости и сохранности. Жеребец в ответ фыркнул и мотнул головой. Расстояние между Кровью и Выселями он преодолел играючи. Он – да, а вот конт еще раз почувствовал, что он не девочка. Оказывается, «это» тоже нужно уметь правильно укладывать, а Виктория сей момент упустила. Пришлось на ходу лезть в штаны. Как же она ненавидела новое тело!

Деревня была обнесена высоким каменным забором с крепкими деревянными воротами, которые спешно растворяли два подростка лет пятнадцати. Рэй притормозил около одного из пареньков, и Виктория Викторовна навострила уши.

– Обоз из Большого Пальца здесь?

– Тута, дядька Рэй. Ужо даже расторговались.

– А что горит?

– Так энто, Искореняющий анчуту поймал в Эльке. Теперича жгут. – Мальчишка шмыгнул носом, с сожалением поглядывая в сторону дыма. Там такое развлечение, а они у ворот прозябают.

– Это вдова Старка? – Рэй как-то странно покосился на конта.

– Кто такая Элька? – тут же поинтересовался Алан.

– Вы, конечно, не помните. Но так звали вашу первую… эээ… подружку по сеновалу.

Анчута, анчута… Что-то знакомое. Сегодня она уже слышала это слово… Точно! Друида говорила, что это злой дух. Мать вашу! Конт, не дожидаясь конца разговора, дал жеребцу шенкелей.

Высели ничем ни отличалась от множества подобных деревушек на юге Украины. Мазанки под соломенными крышами и более зажиточные каменные дома под черепицей стояли строгими рядами вдоль единственной улицы, пронизывающей деревню от ворот до ворот. Заборов не было, только низкие изгороди либо кустарники отделяли участки друг от друга. За домами виднелись аккуратные прямоугольники огородов. Мычали коровы, копошились в земле глупые куры, молчаливые тау провожали кавалькаду всадников ленивыми взглядами.

Жеребец вынес конта на небольшую площадь. Здесь, в тени длинного сарая, стояли телеги обоза с запряженными в них флегматичными тягловыми лошадьми. Сопровождающие обоз наемники, расположившись прямо на земле, неспешно перекусывали, разложив немудреную закуску на тряпицах. Кто-то спал, зарывшись в сено. Для них происходящее на площади интереса не представляло. Рабов видно не было. Наверное, как и в замке, их заперли в сарае.

Жители вески, молчаливой толпой стоящие вокруг костра, не обратили на отряд никакого внимания.

– Разойдись! – прокричал Рэй.

Толпа испуганно раздалась в стороны, и Виктория увидела большие горшки, аккуратно стоящие вдоль тропинки, ведущей к месту казни. Из-под масла? Чтобы вспыхнуло быстро, не дав шанса задохнуться от дыма. Взор цеплялся за всякие мелочи типа затоптанных цветов или оброненного кем-то лоскута ткани, постоянно скользил вдаль, туда, где виднелись горы на фоне чистого синего неба.

Смотреть не хотелось, но взгляд словно магнитом притягивало к костру. А еще специфический дух…

Однажды познав этот запах, его невозможно забыть. Не вытравить из воспоминаний, не перебить никакими духами, он въедается в память, словно пиявка, навечно остается с тобой. Запах страха, ненависти, боли и горящей плоти.

…Первыми вспыхивают брови, ресницы, волосы, ногти – они сгорают моментально, превращая белокурую красавицу в уродливое существо, затем загорается одежда, оголяя прекрасное стройное тело, чернеют ноги, которые еще вчера весело отстукивали в такт незатейливой мелодии, ожоги покрывают кожу, вытекают глаза, с шипением плавится внутренний жир, а кожа все еще держится. И тело еще живет, продолжая дергаться в оковах…

Виктория с силой сжала веки, отгоняя воспоминания.

– Убейте ее.

Короткий приказ был выполнен молниеносно. Два арбалетных болта вонзились в грудь несчастной.

Тишина стояла такая, что слышны были лишь потрескивание дров да тихий плач где-то вдали.

– Берт, найди детей.

Конт перекинул ногу через голову жеребца и спрыгнул на землю. Возле него встал хмурый Рэй с мечом в руке. Виктория словно плыла в вязком тумане сна-видения. Разум отказывался верить, что это повторилось. Дежавю. Такое уже было в ее жизни.

…Она была в составе отряда, который ловил серийного поджигателя. Тогда они тоже не успели, и виновник ушел от возмездия. Отделался условным сроком за неосторожное обращение с огнем. Умышленный поджог ни в одном из эпизодов доказать не удалось. Исчезали свидетели, потерпевшие вдруг забирали заявления, полностью сменили следственную бригаду. Тогда, в том мире, где закон слишком гуманен, а судьи слишком лицемерны, сволочь, погубившая целую семью, осталась жить. Но здесь нет продажных полицейских и подкупленных судей. Здесь она – конт Алан Валлид – закон, судья, адвокат и палач. А он свой приговор уже вынес.

Виктория была абсолютно спокойна. Разум просчитывал всевозможные варианты развития событий, а глаза пробегали по лицам стоящих в молчании людей. Высокие бородатые мужики с большими руками, привыкшими и соху держать, и разминаться в шальной драке, опускали глаза, не выдерживая внимательного взгляда. Купцы, стоявшие в отдалении, издали поклонились и суетливо направились к подводам. К ним подбежал Берт. Женщины оказались более эмоциональны, некоторые плакали, некоторые смотрели на конта с плохо скрываемой враждой. Но были и такие, которые откровенно строили глазки, словно ненароком перебрасывая за спину косы, поправляя вырезы на платьях, привлекая внимание к аппетитным округлостям. Виктория замечала все, отстраненно фиксируя в памяти детали. Как и то, что детей на площади не оказалось, только подростки. А вот это правильно, негоже такое видеть детям. Да и стариков было немного. Видно, пришли лишь самые любопытные.

Наконец взгляд наткнулся на ксена. Его конт заприметил сразу, как въехал на площадь, но не спешил привечать, пристально рассматривая брата Искореняющего. Массивный мужчина стоял со скорбным выражением лица, скрестив руки на груди, но в его серых глазах конт увидел презрительную усмешку высшего существа, имеющего власть решать – кому жить, а кому умирать. Эта усмешка все и решила.

– Брат Искореняющий, – обратился к нему Валлид, едва сдерживая гневную дрожь в голосе. – Какая неожиданная встреча! Как тебе удалось так быстро обнаружить анчуту, провести…

– Расследование, – подсказал Рэй.

– Да, расследование, вынести приговор и привести его в исполнение? С тех пор как ты покинул Кровь, прошло всего…

– Не более четырех рысок, – вновь подсказал Рэй.

Конт и капитан уставились на ксена в ожидании ответа.

– Опытному взгляду легко увидеть тень на свету, – осторожно ответил ксен.

– Вот как… Пришел, увидел, победил?

– Добрые люди указали мне на несчастную.

– Отлично! – довольно воскликнул конт. – Значит, ты действовал по закону? В таком случае, дай мне бумагу.

Ксен удивленно смотрел на мужчину.

– Бумагу, – властно произнес конт, протягивая руку.

– О чем вы, кир Алан? – непонимающе вопросил ксен, все еще улыбаясь.

– Бумагу, подписанную Наместником, по которой тебе дано право казнить *моих* людей на *моей* земле, – гаркнул конт, уже не сдерживая злости.

С какой радостью Виктория засадила бы кулаком в эту довольную рожу! И не один раз!

Она с удовольствием, граничащим со злорадством, следила, как тускнеет самоуверенный взгляд ксена.

– Но…

– Откуда я знаю, что ты настоящий Искореняющий? Может быть, ты убил ксена и украл его одежду? – вкрадчиво поинтересовался конт, предвкушая скорую расправу.

– Но меня знают…

– Нет бумаги, нет человека.

«Не знаете, что такое бюрократия? Так я вас просвещу», – подумала про себя Виктория, клокоча от ярости. С каждой минутой ей все труднее было сдерживать гнев, да еще треск лопающихся костей за спиной не давал успокоиться. Рэй махнул рукой, и возмущенного ксена моментально окружили воины дружины. Народ начал перешептываться. Из толпы вынырнула шустрая старуха и засеменила в сторону ворот. Конт кивнул на нее головой, и один из воинов последовал за женщиной.

– Ты пришел на мои земли, в мою деревню, взял мою женщину и сжег ее на костре из моих дров. Просто так! Не имея на то моего дозволения, но что самое главное – не имея разрешения Наместника! Любой, кто устроит самосуд в моих владениях, будет уничтожен. Здесь лишь я могу карать и миловать! Всем ясно? – Последние слова господин уже орал, держась за кинжал.

– Но… кир Алан, – начал шептать Рэй.

– Рэй! Этот человек посмел не подчиниться закону, установленному самим Наместником. Мудрым и справедливым человеком, который заботится о… – имидже? – лице Храма, а такие, как этот самозванец, своими поступками оскорбляют его… честь, потакая прихотям Вадия.

Виктория покосилась в сторону купцов. Отлично, они все слышали. А так как лучше всего запоминаются последние слова, то она надеялась, что болтать будут лишь о том, что конт Валлид самоотверженно защищал честь Наместника.

«Какой бред я несу, но люди слушают внимательно, и некоторые даже одобрительно кивают», – подумала она. Черт! Как ей хотелось просто разорвать этого зарвавшегося святошу на мелкие кусочки! Как хотелось увидеть его кровь, услышать вопли и мольбы о пощаде! Никогда на ее землях не будет инквизиции! Пусть даже для этого ей придется идти войной на столицу.

Виктория сжала кулаки. Нельзя! Нельзя просто так, без объяснения, убивать человека. Даже такую дрянь. Люди должны знать, что закон для всех один. А посему нужно разъяснить, разъяснить понятным для крестьян языком.

– Я, конт Алан Валлид, владетель и хозяин этих земель, властью, данной мне регентом и Наместником, за убийство моей весчанки приговариваю этого человека к смерти! Повесить самозванца!

– Так может… – сделал еще одну попытку Рэй.

– Капитан, еще одно слово, и на суку будут висеть два тела.

Виктория не шутила. Сейчас в ней говорил конт Алан Валлид, двадцатичетырехлетний отморозок с фронтира, готовый украсить дерево кучей живописных трупов. Рэй замолчал.

Ксен, конечно, орал, плевался и угрожал всеми карами, от отлучения до прямой дороги к Вадию, но спустя десять минут его упитанное тело висело на ближайшем дереве. Женщина почувствовала огромное удовлетворение, когда ноги ксена перестали дергаться. Там, в прошлой жизни, преступник ушел от наказания, но здесь этого не повторится. На ее землях убийцы будут кормить ворон. Она даже не подозревала, что способна получать моральное удовольствие, наблюдая за смертью себе подобных. «Только за смертью тех, кто этого заслужил», – поправил внутренний голос. Самообман? А кто его знает…

Крестьяне тихо переговаривались, но их голоса слились в единый гул, и Виктория не могла понять – одобряют ее или нет. Но ее это сегодня мало заботило, ей еще предстояло разобраться с местными.

Подошел Берт со стулом и пятеркой детишек. Он поставил детей так, чтобы они не видели догорающего костра, но от запаха деваться было некуда. Ольт позеленел и едва сдерживал тошноту, а вот Тур казался спокойным, даже едва заметно улыбнулся конту. Но его выдавали чуть подрагивающие кончики пальцев опущенных вдоль тела рук, и дышал мальчишка ртом. Остальные дети были конту незнакомы. Три девочки. Они жались к Ольту, испуганно глядя на нового хозяина. Малышня. Интересно, где их родители? Виктория ободряюще улыбнулась.

– Кир Алан, купцы продали всех детей по цене троих. Им этих мелких в какой-то деревне отдали за долги. Ну, я и не стал отказываться. – Берт протянул конту тугой красный кошелек на завязках. – Брату Искореняющему он уже не нужен. Я из него рассчитался, мне Рэй велел, – тут же уточнил он, переводя стрелки хозяйского гнева на капитана.

Конт только хмыкнул, подбрасывая кошель в руке. Тяжеленький. Мелочь, а приятно.

Появился Рэй в сопровождении крепкого еще старика. Виктория заметила, что народ с площади так и не уходит, кучкуется в сторонке, прислушиваясь к разговорам, хотя обоз уже выстроился на дороге, собираясь покинуть веску.

– Староста, – буркнул Рэй, старательно отводя взгляд. Обиделся. – Бабу его тоже поймали. Это она ксену на Эльку наговорила. Из-за того, что та игуша приблудного приняла в мужья. Вот дура старая и решила, что накликает он беду на веску. Говорит, хотела только припугнуть, чтобы сошел мужик пришлый со двора, а оно вон как вышло… Запер я бабу в хлеву общественном. Воет, как корова на сносях.

– Как допустил такое? – тихо спросил Алан у старосты. – Как позволил предать молодую бабу такой лютой смерти?

Староста молчал, низко опустив голову. По его морщинистым щекам текли слезы.

– Виноват. Любое наказание приму.

Виктория окинула взглядом толпу.

– А вы, весчане? Спокойны ваши души?

– Так анчута же! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Почему поверили пришлому ксену, а не поверили женщине, которая жила с вами рядом с рождения? Отчего не привезли в замок к нашему брату Взывающему? Кто, как не он, лучше всех знает своих прихожан?

Ответом был дружный одновременный галдеж:

– А про брата Взывающего мы и не подумали! Да анчута она была, к другой бы игуш не пошел! Господин точно говорит! А если Искореняющий ошибся? А все из-за мужика ейного! Надо было его сразу прикопать у стены! Он во всем и виноват!

– В следующий раз виновного повязать и привезти ко мне на суд. На справедливый суд! Это ясно? – повысил голос Валлид.

– Ясно, чего уж неясного… – загомонили со всех сторон. Кто одобрительно, кто скептически, не веря в справедливость конта. Но Искореняющий пришел и ушел, а конт – вот он, под боком, и на расправу бывает скор. – А как понять, анчута это или нет?

– А вам глаза зачем? Что, сильно Элька изменилась?

– Счастливая ходила, словно летала, – всхлипнула одна из женщин. – Что же мы натворили, а? А если бы мою кровинушку на смерть такую отправили? Ой, горе-то какое, – и тут словно прорвало плотину, со всех сторон раздался женский вой, подхваченный тау.

Дурдом на выезде. Полный. Как к этому можно привыкнуть? Виктория устало покачала головой. Незнакомую Эльку было жалко до слез, не зря предчувствие гнало ее следом за обозом, не зря кричало, что опаздывают.

Так, сделать зарубку на память – нужно растить своих ксенов и расселять по деревням. Нечего чужих кормить. А свои и присмотрят, и сообщат, если что.

– Похороните самозванца и то, что осталось от… Эльки.

Рэй уже подводил жеребца. Опять в седло. Виктория потерла зад. Приехать, поесть и помыться. Запах горящей плоти словно въелся в кожу, смешавшись с запахом конского пота. Аромат еще тот. Духи, что ли, изобрести? Под носом мазать. Эмоции как-то разом отступили, оставив после себя полное опустошение. Она знала, что поступила верно, но каковы будут последствия этого поступка, предсказать было сложно. Конт уже забрался на стул, чтобы с него перебраться в седло, когда староста спросил:

– А с мужиком ейным что делать? И с пацаном. Не стоит ему в веске оставаться. Как бы мстить не решил…

– С каким мужиком? – переспросил Алан.

– С игушем этим проклятым.

– Где он?

– Ксен его в погребе у Эльки запер, вместе с малым. Одежку забрал, чтоб не сбегли, сказал, после казни разберется.

– Веди. Одни пойдем! – пресек конт попытку местных увязаться следом. Надоели крестьяне до чертиков.

Деревня только на первый взгляд показалась большой, на самом деле – домов тридцать. Мазанка Эльки, окруженная садом, стояла в сторонке от главной дороги, возле самой стены. Совсем недавно домик ремонтировали, были видны свежие слои глины, и солома местами выделялась более ярким цветом. Чисто выметенное крылечко вело к двери, на которой виднелись нарисованные красные птицы. Во дворе прямо перед крыльцом в пыли валялась довольная жизнью свинья.

У Виктории желудок сжался в тугой горький ком, и слева заныли едва сросшиеся ребра. Она не удержалась, ступила на крыльцо, легонько толкнула дверь и зашла в полутемные сени, а оттуда в комнату. Остановилась на пороге, не решаясь идти дальше, словно боялась потревожить дух этого дома. Пахло перестоявшим тестом и сушеными травами. Чуть колыхались от сквозняка расшитые незамысловатым узором занавески. Круглый плетеный соломенный коврик на чистом полу, деревянные лари, глиняные кружки, висящие на вбитых в стену гвоздях. Во всем чувствовалась женская хозяйственная рука. Посреди кухни солидно возвышалась большая выбеленная печь, наверное, еще теплая. За отдернутой цветастой ширмой приютилась узкая кровать, покрытая лоскутным пестрым одеялом. На выскобленном добела столе стояли

три тарелки с остатками засохшей каши. Опрокинутая кружка, из которой под стол налилась лужица молока, сиротливо лежала с краю.

Конт постоял в дверях, словно впитывая в себя полумрак кухни, и решительно вышел на свет.

Прощай, Элька, и прости мне опоздание.

Дома как люди. Этот теперь сирота. Так и будет стоять пустым, напоминая весчанам о совершенном ими преступлении. Да нет, не будет, быстро найдутся на него желающие, вон как староста внимательно все осматривает.

– С собой заберем, – кивнул конт Рэю, указывая на свинью. – Всю живность собери. Ничего не оставляй. – Не хотелось, чтобы весчане, погубившие первую любовь реципиента, богатели за счет Эльки. – Сироты в веске есть? – спросил Алан у старосты.

– Есть. Две сестры Михсины одни остались.

– Дом со всем, что в нем есть, младшей отдашь. Как приданое. Старшая пусть в родительском остается.

Земляной погреб был заперт на железный колышек. Рэй открыл дверь, из темного нутра пахнуло кислым холодом. Капитан просунул внутрь голову и заорал:

– Эй, малец, выходи! Здесь конт Валлид!

– Дядька Рэй? – раздался дрожащий голосок. И что-то в этом голосе было не то. Испуганный, осипший, словно сорванный от долгого крика, с тонкой болезненной ноткой.

Рэй тоже это услышал. Он кивнул одному из воинов, тот споро высек огонь приспособлением из железной палочки и камня – вот еще головная боль! – поджег длинную лучину, и они по очереди исчезли в глубине погреба. Вскоре по ругани Рэя конт понял, что пленников нашли. Он поднял глаза на старосту, и тот испуганно попятился.

– Что я сейчас увижу, старик? – ледяным голосом спросил Алан.

– Так игуш в драку полез, как ксен за Элькой пришел. Вот мужики его оглоблями и приложили… ну и пацану пару раз перепало.

– Вы хуже зверей, – вздохнул конт. Стадное чувство – сильная штука. По одному эти весчане милые, отзывчивые люди, но толпа… Толпа в умелых руках – страшное оружие. Она будет рукоплескать твоей щедрости и так же рукоплескать твоей смерти. Толпа любит зрелища. – Соберешь с вески тридцать серебрушек в наказание за дурость.

– Помилуйте! Это же…

– Или деньгами, или продуктами, мне все равно. Десятница. Потом приду с отрядом, возьму в два раза больше.

Спорить староста не осмелился, тем более что спор мог бы запросто закончиться его скоропалительной кончиной, потому что из погреба поднялся воин, и началась суета. Кто-то нес одеяло, чтобы закутать голого, окоченевшего мальчугана лет одиннадцати с черными вьющимися волосами. Первый черноволосый ребенок, которого увидела в этом мире Виктория.

Конт нахмурил лоб. Элька была его первой, значит… этот ребенок может быть его сыном? Рэй же говорил, что по вескам куча его ублюдков бегает. Надо обязательно расспросить об этом капитана. Мальчишку уже закутали в одеяло, дали выпить вина, и один из воинов посадил его впереди себя на лошадь. Ребенок тихонько плакал, уткнувшись носом в плечо мужчине. Тот хмурился, но молчал, неуклюже обнимая паренька, и Виктория была благодарна воину за это.

Слышались визг и куриное кудахтанье – это ловили живность. Один из прибывших с контом мужчин вывел из сарая тонконогую каурую лошадку. Невысокую и очень изящную, словно статуэтка из обожженной глины. Вороной жеребец тут же игриво выгнул шею, гарцуя на месте, всем своим массивным телом выражая страстный интерес к симпатичной кобылке.

– Это игуша коняга, – сообщил староста, держась на расстоянии недосягаемости от контовского кулака. Уже был научен. Потому что когда Алан увидел замерзшего избитого маль-

чика, он не удержался. Теперь староста и Берт могли бы работать зеркальным отражением друг друга. Сразу стало заметно, кто ставил правосторонний хук.

Рэя что-то долго не было. Конт присел на колоду, стоящую у погреба, и рассеянно смотрел на жука, деловито шествующего через траву. В голове медленно текли ленивые мысли.

Искореняющий сработал подозрительно шустро, словно специально готовился к аутодафе. Зря она приказала его повесить, допросить надо было сначала, а не идти на поводу у эмоций. Плохо, конт Алан, очень плохо, непрофессионально. Можно было эту тварь не прилюдно казнить, а по-тихому устранить. Волки, разбойники, сердечный приступ… А теперь нужно ожидать проблем.

Конт вздохнул, оглядываясь по сторонам. Больше всего хотелось есть, мыться и спать. Или наоборот – мыться, спать и есть. Но дома ждали разговор с ксеном, встреча с женой и подъем на скалу. Интересно, а можно забраться наверх как-то по-другому?

Наконец, из погреба появился Рэй с голым окровавленным телом на руках.

– Не жилец, – буркнул он. – Сам помрет или дорезать, чтоб не мучился?

Конт молчал. Даже избитый, окровавленный, замерзший мужчина был чертовски привлекателен. Рэй нес его, словно девушку, прижимая к груди. Темно-каштановые волосы, слипшиеся от крови, обрамляли узкое лицо. Глаза игуша были открыты. Алан подошел ближе. Зеленые. Не такие блеклые, как у друиды, а насыщенного изумрудного цвета, так редко встречающегося на Земле. Он смотрел спокойно, словно распрощался с жизнью и был готов встретиться со своими предками. А может, уже наступала агония, и душа готовилась отлететь? Сердце в груди конта сделало кульбит, остановилось и застучало с удвоенной силой. Да что такое? Виктория уже лет десять как перестала обращать внимание на симпатичных мужчин, и вдруг такая реакция. Наверное, это жалость и нервы. Она хмыкнула своим глупым мыслям и коротко скомандовала:

– Возьмем с собой. Если выдержит дорогу – ворожея его посмотрит. По коням! – нарочито грубо крикнул конт, скрывая охватившее его смущение. И тут, вспомнив еще кое-что, подозвал к себе старосту. – А бабу свою выпори. На площади, там, где был костер. При всех выпори, и учти, в следующий раз за такое буду резать языки! Так всем и передай.

Однако приказ так и остался невыполненным. Когда они уже подъезжали к воротам, конт услышал, как кто-то кричит, что женка старосты повесилась в хлеву.

Не выдержала пресса собственной совести? Или нашлись те, что отомстил за смерть Эльки? Правду знать не хотелось. Собаке – собачья смерть.

Всю обратную дорогу Виктория пыталась анализировать свое поведение, но взгляд постоянно искал телегу, на которой везли раненого и собранную на подворье Эльки живность. И все же… Холодное спокойствие при аутодафе, сменившееся с трудом обузданной яростью, неконтролируемые приступы гнева, жесткость, безразличие. Неужели она такая? Никогда раньше за собой не замечала. Виктория обычно гордилась своими выдержкой и спокойствием. А тут… сплошные эмоции, и это странное чувство, которое пронеслось, словно отголосок забытых наслаждений, когда она увидела зеленые глаза игуша. Неужели душа молодеет, подстраиваясь под молодое тело? Ведь не может быть, чтобы с телом достались и привычки реципиента? Или может? Астральное, ментальное, эфирное тело… Как жаль, что в свое время она со смехом встретила увлечение Леночки эзотерикой.

Да ну! Глупости это все! Она в это не верит. А вот в то, что у тела осталась память на клеточном уровне – верит. Недаром люди с пересаженными органами весьма часто получают и привычки донора. А ведь здесь не идет речь о душе. Клетки этого тела привыкли резонировать на определенной частоте с мыслями и поступками бывшего владельца, но его новая хозяйка имела иные вибрации, поэтому и не проявлялось то, что было свойственно виконту. Выходит, тело имеет память, и, когда желания Виктории совпадают с памятью тела, проявляются наиболее яркие привычки предыдущего жильца. Как-то так…

Как же все сложно и запутанно! Ничего, она над этим поработает, подгонит тело под себя, как подгоняла слишком длинные брюки. Виконт Алан умер окончательно и бесповоротно!

Виктория окинула взглядом отряд. Детей Рэй распределил среди воинов, и теперь они тихонько сидели впереди угрюмых бородачей, с интересом глазея по сторонам. Раненого мужчину замотали в одеяло, он лежал в соломе и безжизненно болтал головой, когда колесо телеги наскакивало на кочку, но признаков жизни не подавал. Его каурую лошадь вел в поводу один из воинов.

Виктория украдкой бросала на горца взгляды: «Жаль, если умрет. Ведь не в пьяной драке пострадал, бросился защищать любимую. Пошел против всех, не побоялся. Видно, действительно любил Эльку… Даже завидно».

Рэй ехал рядом с телегой, скептически кривя губы. В зубах у него торчала очередная морковка. Виктории стало любопытно, откуда он умудряется их брать?

Она оглянулась по сторонам и едва не задохнулась от восторга. Расстилающийся вокруг пейзаж просился на холст. Виднеющийся вдали замок Кровь на фоне красных скал, к которым он прижимался, казался собранным из «лего». Все остальное пространство до самого горизонта занимали невысокие, поросшие густым лесом горы. Словно громадные животные с зеленой шкурой улеглись у ног исполинских великанов в белых шапках. Это они истинные хозяева здешних мест. Вечные и древние, как сама планета, хранители ледников с кристально чистой замерзшей водой. Вершины громоздились одна за другой, и конца им не было. А сбоку равнина уходила в широкое ущелье, и там, на горизонте, небо сливалось с землей или… Неужели море?

– Игуши! – крикнул кто-то из воинов.

Где? Виктория натянула поводья, оглядываясь. К ним несся отряд всадников. Она бросила быстрый взгляд на Рэя, но капитан вел себя спокойно, и женщина тоже расслабилась. Хотя в желудке и екнуло от страха, она постаралась ничем не показать своего удивления и любопытства.

Ей никогда еще не приходилось видеть со стороны, как движется конница. Это было завораживающе красиво. Рыжие лошади, казалось, едва касались земли, словно летели над зеленой травой, к их шеям прижимались наездники, цветом волос практически сливаясь с конскими гривами. Они стремительно приближались, а конт любовался всадником, вырвавшимся вперед. Во всей его фигуре было столько мужественности, столько грации и изящества, что глаз не оторвать. Ей никогда не научиться так держаться в седле, словно ты с лошадью единое целое, но при этом сидеть спокойно и непринужденно.

Тем временем их окружило плотное кольцо воинов. Но игуши не собирались нападать. Они закружили вокруг ощерившегося арбалетами и мечами отряда, свистя и гортанно покрикивая. За спинами большинства виднелись короткие, сильно изогнутые луки, у седел крепились ножны с двойным изгибом. «Ятаганы», – квалифицировала для себя Виктория вид оружия. К счастью, всадники не спешили ихо обнажать.

– Говорить хочу! – вперед выехал пожилой мужчина.

Сбруя его коня сияла и переливалась от обилия серебряной чеканки и ярких камней. Грива и хвост заплетены во множество косичек, украшенных цветными лентами. На уздечке висели маленькие серебряные колокольчики. Богатая чеканка украшала ножны и рукоять меча. Сам вождь был одет в распахнутую на груди черную рубашку и кожаные штаны, заправленные в сапоги. Широкий тканый пояс пестрел всевозможными цветами, и Виктория поняла, что перед нею глава рода. Темно-каштановые волосы мужчины тронула седина, но зеленые глаза ярко сияли на смуглом лице.

– Сарх Гривастый Волк, что тебя привело в земли моего господина? – громогласно поинтересовался Рэй.

– Бешеный Алан теперь говорит твоими устами? – презрительно сплюнул игуш.

Конт тронул пятками жеребца, посылая его вперед.

– Что ты хочешь? – спросил он, с интересом рассматривая мужчину с таким экзотическим именем. Красив, чертяка.

– У тебя кобыла моего сына, верни!

– Нет. Сына могу вернуть. Похоронишь с почестями.

Сарх прищурился, глядя на телегу.

– Это ты его ранил? – нахмурился он.

– Нет.

– Я буду мстить. Мои воины сожгут твою деревню и продадут в рабство ее жителей.

– Тогда я приду и убью тебя, детей продам, женщин возьму для потехи, а мужчин брошу на растерзание диким зверям, – спокойно сообщил конт. Он уже играл в такие игры и знал правила.

Игуш оскалился.

– Ты попробуешь. Это будет славная драка.

– А если я скажу тебе, что уже отомстил за твоего сына? Что повесил виновного и любовался на его смерть?

– Это правда?

Тут Рэй, до сих пор молча слушавший разговор, не выдержал и в сердцах плюнул на землю.

– Да ты… сын… – Виктория с восторгом выслушала длинное и витиеватое ругательство, не сомневаясь, что никогда в жизни не сможет его повторить, – сомневаешься в словах кира Алана? – зарычал капитан, хватаясь за меч.

– Не шуми, Молчун, – поднял руку предводитель игушей и повернулся в сторону конта. – Когда мой сын сможет сесть в седло, привози его, я дам хороший… – слово, которое он сказал, Виктория перевела как «калым», «выкуп».

Всадники засвистели и с гиканьем и криками унеслись прочь.

– И что это было? – растеряно спросил конт Рэя.

– Его сын – ваша добыча. За мертвеца горцы драться не будут, но если он выживет, Волк даст богатый выкуп. Хорошая сделка.

– Дикие люди, что с них взять, – философски пожал плечами Берт, потрепав по голове сидящего с ним Ольта. Тот серьезно кивнул, чем вызвал смех среди воинов.

«А мне кажется, что я могу приобрести союзника, – подумала про себя Виктория, посматривая в сторону раненого мужчины. – Ты только выживи, парень».

Замок встретил их деловитой суетой. Набежавшие рабы подхватили лошадей, Берт повел детей на кухню – кормить и заодно передать Райке пожелания конта насчет обеда. Мясо, мясо и еще раз мясо. Спасенных понесли в мыльню, и Виктория собиралась к ним присоединиться, потому что от запаха лошадиного и собственного пота ее уже начинало подташнивать. А еще потому, что ей хотелось убедиться, что игуш все еще жив, ну и просто… Ох, какие глупости лезут в голову! И только она собралась приказать Берту приготовить ей чистую одежду, как увидела брата Искореняющего, спешащего навстречу. Выражение его лица очень не понравилось женщине. Но, пока не забыла…

– Рэй! Скольких моих детей ты знаешь?

– Пацанов? Девки-то не наследуют. Трое точно ваши, кир. Все черноголовые. От Эльки и еще двое в Корчах.

– А говорил о десятке, – возмутилась Виктория, чувствующая иррациональное разочарование.

– Да кто их знает? Белобрысых же считать не будешь.

– Логично. Пошли воинов, пусть привезут в Кровь и этих двоих.

– Не стоит, – Искореняющий подошел неслышно. Что за манера подкрадываться? – Один из мальчиков утонул десятницу назад, а второго придавило бревном. Три дня пролежал и ушел к Светлому Ирию.

Оба-на! И третьего едва не прибили. Не пустись она в погоню за рабами, кто знает, что случилось бы с ребенком. Но откуда все это известно ксену? Однако подумать об этом Виктория не успела.

– Кир Алан, у меня еще плохие новости. Вашу жену отравили.

– Насмерть?

Но это замечательно! Сердце замерло, и Виктория тут же устыдилась своих мыслей. Литине всего двадцать три года, она глупое пухлое создание, но она не виновата, что ей так не повезло с мужьями. Первый – сволочь, садист, грубиян, а второй и вовсе – женщина!

– Ирий спас, контесса успела отпить всего глоток отравленного вина. Сейчас с нею ее духовник и ваша травница, – слегка улыбнулся ксен. Выражения его глаз видно не было, мужчина так и не снял капюшон.

– Я зайду к ней позже. Негоже идти к жене в таком виде.

– Конечно. Но пока не уделите ли вы мне некоторое время для разговора? – мягко, но настойчиво произнес священник.

Конт вздохнул. В животе громко заурчало, и он смутился.

– Брат Искореняющий, может, поговорим за обедом? – спросил с надеждой.

Ксен тихо рассмеялся и наконец-то откинул капюшон.

А вот это было любопытно. На Алана из-под длинной черной челки смотрели живые карие глаза. Вряд ли Искореняющий был намного старше конта.

– Максимум лет двадцать восемь, – незаметно для себя конт закончил свои мысли вслух.

– Тридцать. Мне тридцать лет, и мои родители выходцы из Мирии, а там черный цвет волос никого не удивляет. Впрочем, у вас в предках тоже были мирийцы?

– Прадед, – кивнул конт. – Я умоюсь, и мы поговорим.

Глава 5

Посмотрел Ирий, как слуги его работают от зари до зари,
и наградил их, дав надежду и силу духа, справедливость
и смелость, гордость, добродетель, любовь.
Отвернулся он довольный,
а Вадий злокозненный тут же добавил от себя
похоть и алчность, зависть и жадность,
прелюбодеяние и ненависть.

V Песнь Жития

А с другой стороны, какого черта она должна подстраиваться под этого ксена? Подождет! В душе нарастало раздражение. Она – конт, он – простой святоша. Много чести. А будет докучать, так ведь и прикопать можно под камешком. Здесь не столица, и никто не поинтересуется, куда пропал брат Искореняющий. Хищники съели или горцы прибили, поди, найди тело на просторах фронтира. А конт если что – только руками разведет. Не сидел, не привлекался, не имею.

С этими мыслями Виктория направилась в мыльню, выловив предварительно раба, чтобы показал дорогу и прислал Берта. Вот еще головная боль – рабство. Как же мало она знает, катастрофически мало. И получить знания не от кого, можно списать забывчивость на провалы в памяти, но нельзя списать на это незнание устоев и реалий мира, которые впитываются с молоком кормилицы. А еще плохое знание языка добавляло проблем. О смысле многих слов она догадывалась, вечером тщательно записывала их в словарик, многие вещи называла чешскими словами, хорошо хоть языки были схожи, и ее худо-бедно понимали.

Мыльня оказалась просторной общественной баней, в которой одновременно могло мыться до двадцати человек. И даже парилка имелась. «Почти как дома, – с ностальгией вспомнила Виктория, стягивая запыленные сапоги, – Где же вы, мои любимые кроссовочки… Эх…» – с тоской подумала она. В пристройке стояли деревянные лавки, на которых валялась одежда и лежали окровавленные тряпки и одеяла. Значит, Рэй с игушем уже внутри. Появился запыхавшийся Берт с охапкой одежды. Вместе с ним пришли и Ольт с Туром, нагруженные полотенцами. Ольт был зол и каждые три секунды бросал на Берта ненавидящий взгляд.

– Что случилось? – поинтересовался конт, когда слуга помог ему раздеться.

– Да успели завшиветь! – воскликнул в сердцах Берт, дав Ольту легкий подзатыльник. – Всего полдня прошло, а они уже подцепили. Не хватало еще, чтоб разнесли эту заразу среди наших рабов. Надо обрить да голову настоем жиримихи смазать.

– Хозяин, а может, не надо? – заканючил Ольт. – Мы вычешем. Там, может, и было по одной вше, а он…

– Прикажи проверить всех. Если найдешь еще у кого – обрить и обработать, несмотря на пол и возраст, а одежду прокипятить, – скомандовал конт, ныряя в распахнутую дверь моечной, откуда тянуло теплым паром и слышался раскатистый бас Рэя. – Вши – это такая зараза…

За ним следом прошмыгнули и голые мальчишки. Тур тотчас начал таскать воду для конта, наливая ее в большую деревянную лохань, а Ольт, прихватив мочалку, поплелся следом за хозяином, шмыгая носом. Волос ему жалко! Явно какой-то девчонке показаться на глаза будет стыдно. Кавалер!

Рэй и еще несколько мужчин возились с игушем. Рядом на широкой лавке лежал отмытый от крови худенький черноволосый сын Эльки. Через живот и бок мальчика тянулся черный синяк. Правая рука опухла, похоже, он ее подставил под удар, чтобы защитить голову. А какой худой! Ольт, который был рабом и явно не шиковал, на его фоне казался упитанным толстячком. Надо откармливать наследника. Мальчик, не мигая, смотрел в потолок, и по его

щекам текли слезы. Виктория кивнула Ольту, указывая на паренька. Раб понял ее с полуслова, и спустя секунду уже что-то тихо рассказывал маленькому весчанину, присев перед ним на корточки.

Честно говоря, Виктории ничего не мешало приказать наносить воды в комнату и помыться в корыте вдали от любопытных глаз, но… ее толкало вперед неистребимое, сродни кошачьему, женское любопытство. Интересно же посмотреть. А посмотреть было на что, Виктория даже хотела отпустить грубую казарменную шуточку на эту тему, но ее опередил непосредственный Ольт. Он подошел к раненому игушу, с которого Рэй осторожно смывал кровь, и вылупился на капитана с неподдельным восторгом, затем его взгляд переместился на свой живот и ниже, и по лицу разлилось такое разочарование, что Виктория не сдержала смеха.

– Не грусти, Ольт, ты еще вырастешь, – смеясь, утешил конт зардевшегося паренька.

Вокруг раздался дружный гогот, со всех сторон посыпались похабные советы. Вояки – простые и незатейливые мужики, и шуточки у них такие же.

Голый Рэй действительно выглядел сногсшибательно и очень внушительно. Настоящий варвар. Массивное мускулистое тело без капли жира могло бы украсить обложку любого журнала. Идеальные пропорции бодибилдера безо всяких анаболиков. Только то, что дала природа, и ежедневные тренировки. Ах, как хорош! Наверное, от баб отбоя нет. Взгляд переместился на игуша, и захотелось вернуться в Высели и спалить там все дотла. Да уж… полная противоположность капитану. Худощавый, но не худой, весь словно сотканный из мышц. Изящество и сила. Тело горца пестрело ссадинами и кровоподтеками. Руки черные от синяков, правая лодыжка вывернута под неестественным углом. Что там у него внутри творится, даже подумать страшно. Странно будет, если он выживет. Как жаль… Виктория так и не могла понять, какие чувства овладели ею. Безумно хотелось провести рукой по каштановым волосам, по заострившимся скулам, по резко разлетающимся бровям, дотронуться до губ, заглянуть в глаза… Но вместо этого она спросила:

– Друиду предупредили?

– Предупредили, – проскрипел недовольный голос ворожеи, и она, совершенно не обращая внимания на голых мужчин, вошла в мыльню в сопровождении Берта. – Рэй, неси его в…

– Комнату рядом с моей. Он сын вождя, нужно оказать ему уважение, – быстро произнес конт и тут же прикусил язык. Не слишком ли быстро? Но вроде бы никто не обратил внимания на поспешность. – Какие у него шансы?

– Ты, конт, похуже выглядел после встречи с ведмедем, – неопределенно ответила травница.

«Так конт и умер», – подумала про себя Виктория, но вслух этого, естественно, не произнесла.

– Мальчишку разместите вместе с ним.

Вот и повод будет почаще заглядывать в гости к раненым. Никто не удивится тому, что конт интересуется здоровьем своего сына. Еще бы имя этого сына узнать.

Помылась она быстро. Берт помог облачиться в чистую одежду, заплел мокрые волосы в короткую косу.

– Где обед прикажете накрывать?

– Я на кухне поем. Туда и ксена приведи.

Берт испугался, испугался по-настоящему, но перечить не осмелился. Виктория знала, что нарушает этикет, но ей не давал покоя взгляд главной кухарки. Открытый, полный ненависти и презрения. А ведь через кухню проходила вся еда конта. И всыпать яд легче всего было именно здесь. Хотелось бы разобраться, пока проблема не стала фатальной.

Большая кухня встретила полумраком, тишиной и жаром. Виктория остановилась на пороге, оглядываясь. За длинным деревянным столом в одиночестве сидел брат Искореняющий. Странно, что один. Виктория была уверена, что брат Турид обязательно прибежит сле-

дом: как это, такой важный разговор, и без него? Неужели не хочет оставлять контессу одну? С чего бы это? На столе стояли блюда с мясом, каравай и две глубокие тарелки, наполненные до краев густым грибным супом. Аромат достиг ноздрей и вызвал неконтролируемое бурчание в животе. Виктория вступила в жаркий полумрак, и тотчас навстречу ей шагнула высокая женщина в белом фартуке. От неожиданности она отпрыгнула назад и ухватилась за кинжал. Меч «традиционно» забыла у седла, да ну его, таскать такую орясину, только по ногам бьет. Райка, а это была именно она, степенно опустилась на колени и глубоким грудным голосом произнесла:

– Перед братом Искореняющим признаться хочу.

Виктория на секунду задумалась. А затем махнула рукой на условности. Уж очень есть хотелось.

– В том, что еда отравлена?

– Нет, что вы, кир Алан! – с легким возмущением в голосе произнесла кухарка.

И она, и ксен смотрели на конта с удивлением. А он присел за стол, отломал кусок еще теплого, пахнущего кислинкой каравая, с удовольствием понюхал его и, не удержавшись, откусил. Неплохо. Затем придирчиво выбрал из кучи стоящих в глиняной посудине деревянных ложек самую новую и с жадностью принялся за суп. Все разговоры – после еды, когда душа станет доброй.

Как же вкусно, а ведь в той жизни она терпеть не могла грибы. А сейчас ела с удовольствием, наслаждаясь каждым глотком. Тоже память тела? Когда ложка черпнула по дну, Виктория подняла глаза. Кухарка так и стояла на коленях, а ксен задумчиво смотрел на конта.

– Как твое имя? – повернулся тот к женщине.

– Райка, хозяин, – чуть удивленно ответила она.

– Можно мне еще супа?

Повариха перевела ошарашенный взгляд на ксена, но тяжело поднялась с колен и, взяв миску, направилась к печи, в которой стоял чугунок.

– А ты отчего не обедаешь? – поинтересовался конт у ксена. – Суп великолепен. Все равно разговаривать не буду, пока не наемся.

Виктория наблюдала. Ей спешить некуда, а как вести себя с Искореняющим, она еще не решила. Слишком темная лошадка. Ксен улыбнулся и взялся за ложку, похоже, он тоже еще не сделал насчет конта никаких выводов. Вторую тарелку Виктория ела не спеша, вылавливая грибы и кусочки темного мяса. Оленина? Райка стояла рядом, не зная, что ей делать дальше. Падать вновь на колени вроде было глупо, а уйти без позволения она не решалась. Виктория все это понимала, но выдерживала паузу. Наконец она отодвинула от себя тарелку и потянулась к блюду с мясом. Ножа на столе не обнаружилось, пришлось достать кинжал. Боковым зрением Виктория заметила, как напрягся ксен, и как побледнела кухарка. Странно. Не мог же реципиент кидаться кинжалами во время обеда? Или мог?

– Садись, Райка, и поведай мне, в чем ты так хотела покаяться?

Женщина с надеждой посмотрела на ксена, словно ища поддержки, но тот, откинувшись на спинку лавки, с любопытством наблюдал за контом, не вмешиваясь в разговор. Виктория видела, как в его глазах мелькают удивление, задумчивость и недоверие. В конце концов, кухарка решилась и присела на краешек скамьи.

– Это я принесла в замок яд горной гадюки.

– Зачем? – спросил конт.

– Для кого? – одновременно с ним поинтересовался ксен.

Вот она, разность в мышлении. Женщине интересны предпосылки и причины, а мужчиной движут лаконичность и прагматизм. Этак и проколоться можно. Но Райка ответила конту.

– Хотела в еду подсыпать, – открыто глядя в глаза господину, сказала она. – За жизнь дочери загубленную отомстить хотела. А отчего так долго выжидала? Не решалась, да и яд достать трудно. А тут случай такой. Старый хозяин помер, а молодой в беспамятстве лежит, – и

добавила с грустью, видя недоумение на лицах мужчин. – Вы, брат Искореняющий, не в курсе. Дочь моя приглянулась господину, да только замужем она уже была на тот момент и отказала хозяину. Муж за нее заступился. Старому конту нажаловался. Тогда Старку подбросили перстень кира Алана и обвинили в воровстве. Ну и… четвертовали его, а дочь мою на следующую же ночь привели в спальню к молодому киру Алану. А как она понесла, ее вышвырнули вон.

И что сказать? Оправдываться? Так нет этому оправдания, ей придется с этим жить. И помнить. Чтобы никогда больше не допустить такого подлого, ничем не оправданного поступка.

– И отчего не отравила? – глухо поинтересовался конт, отодвигая от себя тарелку. Есть резко расхотелось.

– Друида не дала. Отговорила. Сказала, что вы стояли на берегу реки, за которой владения Злокозненного начинаются. Сказала, что, увидев, как Вадий мучает души темные, вы можете все понять и измениться. А еще сказала, что придет момент, и вы признаете сына. Как в воду глядела, – тихо добавила Райка, не замечая, как по щекам катятся слезы.

– Так Элька была твоя дочь?

Викторию словно током пронзило. Пришлось отвести взгляд, чтобы не смотреть на беззвучно плачущую женщину. И хоть это не она изнасиловала десять лет назад неизвестную девушку, стыдно и горько было ей.

– Никто не знает, – прошептала кухарка. – Был у меня, – она запнулась, – один мужик по молодости. Ну, от него и понесла, да только не сложилось у нас. Девочку в веску к матери отправила, она ее и вырастила как свою дочь.

– И куда ты яд дела? – подал голос Искореняющий, которого, в отличие от Виктории, совершенно не волновали события недавнего прошлого.

– Нашему ксену отдала. На исповеди покаялась да и отдала, пока Вадий в уши страшного не нашептал. Он сказал, ему для какой-то мази надо.

Конт решительно поднялся и направился к выходу.

«Ну, теперь ты у меня не отвертишься, господин святая невинность! И мальчиков тебе припомню, и яд в мази, и длительные беседы на религиозные темы, от которых у меня бессонница. Сейчас ты получишь по полной программе!» – злобно думала Виктория, направляясь к донжону. Она понимала, что за злостью пытается скрыть горечь и боль, но так было легче, и она малодушно спряталась за разливающейся в душе яростью. Ксен сейчас, должно быть, у женушки. Она оглянулась. Райка стояла в проеме двери, ведущей в кухню, и что-то шептала. Видно, молилась.

– Не держи на меня зла, Райка. Я сожалею.

А что еще она могла сказать?

Ксен догнал конта посреди двора.

– Что вы собираетесь делать? Нельзя обвинить служителя Ирия на основании косвенных доказательств.

– Что?

– На основании косвенных доказательств. Это означает – ничем не подтвержденные заявления служанки, – со снисходительной улыбкой повторил ксен.

– Скажи медленно.

Ксен повторил, с удивлением слушая, как конт несколько раз тщательно проговорил незнакомые ему слова.

– Косвенные доказательства, говоришь? Слушай, брат Искореняющий, а тебе какое дело до моих дел?

Ксен вдруг стал серьезен.

– Именно об этом я и хотел с вами поговорить, кир Алан. Я уже сегодня отправил птицу с просьбой к Приближенному прислать бумаги, подтверждающие мои полномочия.

Уел! Значит, знает. Когда успел расспросить воинов? Но, похоже, спокоен и лезть в бутылку не намерен. А значит, конт в своем праве, и храмовник никаких претензий пока предъявлять не собирается. Неизвестная величина этот ксен. Слишком шустрый. И, что самое обидное, он, похоже, знает о конте Валлид намного больше, чем знает о себе сам конт Валлид.

– Как мне к тебе обращаться?

– Брат Алвис.

– Ты ведь не простой Искореняющий?

Ксен развел руки в стороны и слегка склонил голову, не опровергая и не подтверждая заявление конта. Тот пристально смотрел на мужчину, соображая, что с ним делать? Может быть, удавить втихую? Нет человека – нет проблем… Видно, кровожадность его мыслей отразилась на лице, потому что ксен очень серьезно произнес:

– Я вам не враг, кир Алан. Я здесь для того, чтобы разобраться, кто желает смерти вашему роду.

Оказывается, за последний год так или иначе, но отбыли в нижний мир все родственники конта. Храм всегда отслеживал такие странные случаи, поэтому и направили несколько человек проверить, все ли в порядке со старшим представителем рода Валлид? И не причастен ли он к смерти своей родни? Но пока проверяющие добирались до Крови, старый конт ушел к Вадию, а в замке воцарился его наследник. Ксен не скрывал, что перед тем как отправиться в дорогу, получил подробнейшее досье на всех обитателей фронтира. Кто и зачем собирал эти сведения, священник сказать не захотел.

Все это Виктория выслушала с каменным лицом и не поверила ксену ни в одном слове. Странно. Насколько она знала, фронтир – это место ссылки, и никому нет дела до его обитателей, пока они не высовывают носа из своего медвежьего угла. Почти двадцать пять лет не вспоминать о бастарде последнего короля – и вдруг озаботиться его безопасностью. Как раз тогда, когда регента решили женить на принцессе соседнего королевства, дав тем самым его детям законные права на наследование трона.

Но от помощи ксена отказываться нецелесообразно. А вот слежку за ним установить придется. А пока проверим тебя на вшивость, дружок.

– Что ты можешь сказать о брате Туриде?

– Тридцать четыре года. Фанатик. Сирота. Воспитывался в монастыре Храма. Убежден, что власть должна принадлежать храмовникам. Мечтает перейти в орден Искореняющих и достигнуть ранга Приближенного. Лично предан главе Взывающих – брату Питару. Дал обед чистоты. Девственник.

– Поэтому каждый вечер в его покои отправляются мальчики-рабы? – ехидно поинтересовался конт, пытаясь скрыть замешательство. Ксен этой откровенностью хочет показать свое расположение и открытость? Думает, ему начнут доверять? Возможно, прежний, недалекий конт и начал бы, но не Виктория. Не на ту напал! Да и не сообщил он ничего особо ценного и секретного.

– Вы ошибаетесь, кир Алан. Я лично принимал исповеди у рабов. Брат Турид укрощает плоть, раны, которые иногда остаются после экзекуции, необходимо смазывать, чтобы не загноились. А так как брат не позволяет женщинам дотрагиваться до себя, ему в этом помогают мальчики, – мягко, но с укором сообщил Алвис.

Виктория скептически хмыкнула, но спорить не стала. Даже если это так, она все равно не доверяла обоим мужчинам.

В покоях контессы ксена не оказалось. К счастью, жена, до подбородков накрытая меховым одеялом, спала. В комнате невозможно было дышать от запахов пота, кошек, еды и дыма благовоний, и конт постарался как можно быстрее ретироваться. Кир Алан велел служанке предать своей любимой супруге, что он заходил справиться о ее здоровье и вручить ей вот этот «прекрасный, как она сама», цветок. Цветок Виктория выдрала из клумбы у храма. Что-то,

похожее на астру. На этом свой супружеский долг конт посчитал исполненным и сбежал из душной спальни, приказав служанке навести в помещении порядок.

Ксена они нашли в храме. Он взывал к светлому Ирию, но свечи горели и у портрета Вадия. Вид у ксена был неважный. Покрасневшие, припухшие веки, зеленоватые круги под глазами и плотно сжатые губы.

– Кир Алан, мне рассказали, что вы сделали в Выселях, – не успел конт войти в храм, гневно начал ксен. – Как вы посмели предать смерти одного из служителей Ирия, не…

– Ах ты, сукин сын! – отчетливо произнес конт по-русски, не дав ненавистному ксену закончить фразу. – Значит, смерть матери моего сына, твоей прихожанки, тебя не взволновала? Тебя не возмутило то, что моего наследника едва не убили? Или ты только рад? Не удалось меня отравить, так ты решил детей моих извести? Рассчитываешь прибрать к рукам Кровь? Думаешь, я не вижу, как на тебя смотрит Литина?

Как она оказалась возле ксена, Виктория не помнила, очнулась лишь тогда, когда кончик кинжала уперся в кадык брата Взывающего. Ее словно ледяной водой окатило. Во взгляде ксена не было ни капли страха или вины, только недоумение, растерянность и обида. Она медленно опустила кинжал.

– У тебя есть мгновение между жизнью и смертью, чтобы рассказать, зачем ты пытался меня отравить.

Турид возмущенно повернулся в сторону Искореняющего, и тот моментально пришел коллеге на помощь.

– Брат Турид, нам стало известно, что у тебя имеется яд горной гадюки, а именно этим ядом сегодня пытались отравить контессу, и этот же яд был добавлен в мазь кира Алана. Лишь по случайности супруги остались живы, – мягко произнес брат Алвис.

– И вы решили, что это я отравил свою подопечную? – тихо, с горечью произнес ксен. – Брат Алвис, вы ведь знаете, я вам исповедовался…

– Я тебе верю, брат мой, но конт Валлид весьма расстроен из-за покушения на свою супругу и хочет убедиться. Прошу тебя.

Виктория закатила глаза. Ну прямо классическая сцена из детективного романа. Плохой и хороший полицейский.

Ксен Турид провел их в небольшую комнату в пристройке. Сразу было видно, что здесь живет аскет. Ничего лишнего. Узкая кровать без подушки, застеленная серым сукном, платяной шкаф, стол, стул и много книг. Вот куда придет Виктория, как только выдастся свободная минутка. Ксен поставил к стене стул, залез на него и протянул руку, шаря пальцами в щели между потолком и стеной. Она сразу поняла, что искомого предмета на месте нет. Понял это и Алвис. Однако ксен Турин не верил своим рукам и не угомонился, пока не обшарил щель по всей длине, с грохотом тягая стул по комнате. Затем стал на колени и заглянул под шкаф и кровать.

– Пропала, – удивленно констатировал ксен очевидное.

– Я в этом даже не сомневался, – с издевкой произнес конт, покручивая в руках кинжал. – Сам пойдешь в темницу или приказать тебя отвести?

Виктория не собиралась сажать ксена в камеру, как и не собиралась предъявлять ему обвинения. Удивительно, но она ему верила, и от этого злилась еще больше. Нельзя так врать глазами. Ксен действительно был ошарашен обвинениями конта. Но как приятно стереть ухмылку с его лица! Чисто девчачье желание – мелкое и недостойное, но такое сладкое, что Виктория не удержалась.

– Кир Алан, клянусь моим покровителем Ирием Создателем, я ничего не замышлял против вашей семьи, а уж отравить кирену Литину никогда бы не смог, – голос Турида чуть дрогнул. – Я держал яд здесь, вдали от любопытных глаз, и изредка пользовался им для натираний.

Это очень редкая вещь, и выкидывать ее было глупо. Если каплю яда добавить в растопленный жир, он помогает при болях в коленях. Ваша жена страдает от…

– Пусть моя жена меньше жрет и больше двигается, тогда колени болеть не будут, – буркнул конт, выходя из комнаты. На прощание он с такой злостью хлопнул дверью, что она отлетела в обратную сторону и только затем медленно поползла назад, оставив между косяком и дверным полотном узкую щель.

– Берт! – раздался на улице зычный голос конта.

Ксены переглянулись.

– Брат, составь список всех тех, кто мог проникнуть к тебе в помещение и взять яд, – властно приказал Алвис. Сейчас Виктория не узнала бы спокойного, улыбчивого ксена с мягким голосом. Весь его облик изменился, исчезли легкая рассеянность во взгляде, плавность движений. Карие глаза смотрели жестко и проницательно. – Брат Сворж оказался идиотом, он решил устранить мальчишку, обвинив его мать в одержимости. Какая жалость, что я не успел расспросить брата о его покровителях. Жизнь кира Алана нужно сохранить во что бы то ни стало. Ты уже отправил отчет?

Турид отрицательно покачал головой.

– Напиши, что все сыновья конта убиты.

– А о брате Сворже?

Искореняющий задумался.

– Пожалуй, не упоминай. Мы не знаем, как глубоко проникли щупальца заговора, и кому на самом деле служил этот поклонник Вадия. А я пока попытаюсь найти нашего отравителя.

– Брат, а что будем делать с контом? Странный он. Словно другой человек очнулся после беспамятства. Не верю я ему. Ты слышал когда-нибудь тот язык, на котором он сегодня ругался? Да и в разговоре у него проскальзывают слова, похожие на наши, но чужие.

– Ворожея говорит, что конт побывал на берегу реки Забвения, а после такого мало кто возвращается прежним. Ты ведь знаешь, эти прислужницы Вадия умеют считывать сокровенное. Но мы за контом понаблюдаем. Отправь сегодня к нему Олику. Пусть попытается его разговорить. Пьяные мужчины так болтливы. И побеседуй с мальчишкой. Если не получится… – Алвис многозначительно посмотрел на брата Взывающего, – то придется его использовать.

Виктория бесшумно отошла от двери. Она услышала достаточно, чтобы понять – пока храмовники для нее не угроза. А там видно будет. Зато друида подала ей прекрасную идею, и будет глупо ею не воспользоваться. Интересно, что за заговор, и каким боком кир Алан конт Валлид имеет к нему отношение? Мало информации! Как же мало информации!

Капитана она нашла в оружейной. Большая комната на первом этаже донжона была заставлена широкими деревянными столами, на которых лежали кинжалы, ножи, мечи, топоры, луки, арбалеты. Все аккуратно разложено по размерам и видам. Отдельно стояли пики и алебарды, на стенах висели колчаны со стрелами, крюки с веревками и какие-то приспособления, о предназначении которых Виктория могла лишь догадываться. Вдоль одной из стен составили всевозможные щиты. Рай для оружейных фанатиков. Но на нее это не произвело никакого впечатления. Просто куча металлолома. Если только посмотреть вон тот лук… Но не сейчас.

Через десять минут конт вышел из оружейной, неся на плече моток веревки, за поясом у него торчало три грубых кинжала с длинными широкими лезвиями. Озадаченный Рэй свистом подозвал к себе одного из воинов и коротко отдал ему какой-то приказ. Вскоре вокруг капитана стояли дети во главе с обритым «под ноль» насупленным Ольтом.

Ну что же, самое время осуществить задуманное. Пост на скале просто необходим, и Виктория собиралась лично посмотреть, где его расположить.

Женщину просто распирало от желания испытать новое тело в действии. В желудке поселился изрядно подзабытый мандраж предвкушения. Как же она скучала по физическим нагруз-

кам! Бег трусцой, пешие прогулки, зимой – лыжи, летом – верховая езда, фитнес, все это было в ее пенсионной жизни, но как хотелось вновь испытать прилив адреналина, ощутить эйфорию победы, дрожь в напряженных мышцах. И сейчас она это сделает! Скала не очень высокая, должно получиться. А затем можно будет попробовать и что-нибудь сложнее… «Сложнее? Где ты на это «сложнее» время брать собираешься?» – возмутился внутренний голос. «Разберусь с отравителем, проведу ревизию, поставлю своих людей руководить…» – «Ага. А еще – войско, соседи, горцы, ксены, жена, заговоры, наследники…» – не унимался внутренний голос, и Виктория про себя взвыла. Об этом она подумает завтра, а сегодня…

Конт поднял голову, намечая маршрут. Карниз, небольшая пещерка от вывалившегося обломка и дальше уже более пологий кусок стены. Есть, где передохнуть, если что. Он потянулся и ухватился за первый выступ.

Подъем на скалу получился не таким легким, как показалось снизу. Силенок у конта после болезни все еще было маловато. Да и работа без страховки заставляла действовать аккуратно. А еще – толпа желающих посмотреть на очередную блажь хозяина не добавляла желания рисковать. Виктория представляла, с какими надеждами многие ожидают ее падения. Не дождетесь! Небольшой перерыв, отдышаться – и вперед. Да, с растяжкой тоже нужно поработать. На шпагат это тело точно не сядет. Значит, утро начинаем с тренировки. И дыхание сбивается, добавим к силовым тренировкам бег. Но нельзя останавливаться, нельзя показывать слабость…

…Виктория лежала на камнях и с блаженной улыбкой идиота смотрела в небо. Спина взмокла, по лицу струился пот, руки и ноги тряслись и болели, а уж что будет завтра… Сердце решило, что оно маленький упругий резиновый мячик, и радостно прыгало между ребер. Из горла вырывался кашель, замешанный на эндорфине.

Она это сделала! Она смогла! Поднялась. Какое это прекрасное чувство – победа над собой. В душе царило удовлетворение, помноженное на гордость за себя любимую. Она вновь молода! Только сейчас Виктория осознала, что ей теперь всего двадцать четыре. Всего двадцать четыре! Захотелось заорать, чтобы горы разнесли эту весть по окрестностям, но она сдержалась, только хрипло рассмеялась.

– Кир Алан! – раздался снизу голос Рэя. – Вы там живы?

Виктория подползла к краю и, свесив вниз счастливое лицо, помахала рукой. В ответ Рэй показал кулак. Совсем разбаловался. Но злости не было, она понимала: для него конт все еще мальчишка.

– Кир Алан, сбросьте, пожалуйста, веревку, – донесся вежливый голос Искореняющего.

Что? Этот тип тоже решил подняться и убедиться во всем собственными глазами? Ну что же. Пусть поднимается. Если сможет. Виктория закрепила веревку и сбросила вниз оба конца. Интересно, как он собирается лезть в своей рясе? Но ксен ее удивил. Под балахоном оказались тонкая металлическая кольчуга поверх черной толстой рубахи и черные штаны, заправленные в удобные кожаные сапоги. А на поясе висели узкие длинные ножны и кожаные перчатки. Он неспешно натянул перчатки, внимательно осматривая поверхность скалы, затем перекинул ножны за спину и ухватился за веревку, которую снизу придерживал Рэй. Не ксен, а сюрприз ходячий.

Такого способа подъема на гору Виктория еще не видела. Алвис воспользовался веревкой, как канатом. Конт, следящий за ним сверху, только присвистнул. Это какую же силу надо иметь в руках, чтобы так шустро лезть вверх по гладкой веревке, на которой даже узлов не навязано?

– Спасибо. – Ксен ухватился за протянутую руку, переваливаясь через край.

Вот гад! Он даже не запыхался! Только вспотел. И рука сильная. Чему же вас там обучают в вашем ордене?

– Вы уже осмотрелись? – Похоже, ксен не привык бездействовать.

– Нет. – Не говорить же ему, что кир Алан до сих пор отдышаться не может.

Место, откуда столкнули валун, они нашли сразу, как и толстую доску, при помощи которой его сдвинули с места. А еще они нашли протоптанную тропинку, уходящую вверх, и кучу обглоданных куриных костей. Похоже, что злоумышленник провел здесь много времени, поджидая удобного случая. Больше ничего отыскать не удалось. Ни клочка одежды, ни волос, ничего.

– Поднимемся по тропинке? – предложил Конт. Ксен согласно кивнул.

Узкая дорожка петляла между камней, поднимаясь вверх, а затем за небольшой скалой, похожей на птичий клюв, резко уходила вниз и оканчивалась площадкой, поросшей скудной травой.

– Здесь у него была лошадь, – ксен кивнул на кучки навоза.

От площадки вниз шла достаточно удобная широкая тропа.

– Пройдемся? – Голос конта звучал без особого энтузиазма.

Идти Виктории не хотелось совершенно. Хотелось прилечь и ни о чем не думать, пожалуй, она погорячилась, так нагрузив это бедное тело.

– Не стоит.

Ксен полез за пазуху. Виктория с любопытством на него смотрела. Вот будет здорово, если он выхватит оттуда свисток, и к ним прилетят волшебные орлы… А что? Ведь если верить книгам, многие попадают в миры магические. А чем она хуже? Виктория улыбнулась. Что за идиотские мысли?

Но ксен достал из-за пазухи не волшебный свисток, а обычную карту, развернул ее и ткнул куда-то пальцем. Конт наклонился ближе.

– Вот эта тропа. Она ведет во владения вашего друга, барона Линя.

Какая, однако, подробная карта. А что это за точки? Но ксен словно невзначай прикрыл часть карты ладонью.

Возвращались они молча.

– Как здесь красиво! – восхищенно произнес Искореняющий, когда они вышли к месту подъема.

Виктория, которая в это время прикидывала, в каком месте поставить форпост, оглянулась. Ксен стоял на самом краю. Если подойти и слегка подтолкнуть его в спину… Но вместо этого женщина сама быстро встала сбоку, но позади ксена. Ведь и конта можно было бы так же легко подтолкнуть вниз, а давать такого шанса Алвису она не собиралась.

Действительно, пейзаж был великолепен. Впереди расстилалась равнина с небольшими вкраплениями озер и лесов, а далеко на западе среди гор сияла полоска голубой воды. Солнце уже клонилось к горизонту, погружая окружающий мир в легкую багровую дымку. К воротам подходила толпа рабов под охраной троих всадников, а там, откуда они шли, виднелось большое поле, поделенное на равные квадраты разного цвета. Что на них растет, рассмотреть не удалось. Рабы несли в руках корзины и какие-то инструменты, человек пять тащили на спинах большие вязанки хвороста.

К замку Кровь скакала кавалькада всадников, нагоняя бегущую фигурку. Отсюда Виктории не было видно, кто убегает – издали фигурка казалась маленькой и нескладной, но у Алвиса взгляд оказался более привычным к деталям этого мира.

– А вот и сам барон Кайрат Линь. Его вымпел развевается за спиной первого воина. Рыба на красном фоне. К вам гости, кир Алан.

Только этого не хватало!

Однако прежде чем они начали спуск, ксен огорошил конта.

– Я бы хотел принять вашу исповедь. Здесь, вдали от лишних ушей.

Сказано это было таким тоном, что сразу становилось понятно – отказа ксен не примет. Только исповедь это или допрос? Виктория машинально положила руки на кинжалы, что

не укрылось от взгляда Искореняющего. Он молниеносно перекинул ножны вперед, и спустя мгновение в руках служителя Ирия оказался тонкий клинок – то ли длинный кинжал, то ли очень короткий меч. Алвис с улыбкой поклонился и жестом предложил атаковать. Виктория раздумывала секунду. Ее вдруг охватил азарт, прилив адреналина будоражил, заставляя сердце биться сильнее, а усталость – отступить. Она знала, что ксен не станет ее убивать, а вот попробовать это тело в схватке и проверить степень владения оружием было заманчиво. Хотелось выяснить здесь и сейчас, без посторонних глаз, какие навыки достались ей в наследство, и что получил конт от ее души. Поэтому, оскалив зубы, она сделала первый выпад, который ксен легко отбил.

Если бы это был настоящий поединок, он продлился бы не более трех секунд. Победа в таком бою лишь на тридцать процентов зависит от умения фехтовальщика, а семьдесят процентов приходятся на госпожу Удачу. И хотя сейчас противники были вооружены не ножами, а более длинными клинками, это мало что меняло. Но, к счастью, в этом бою ничья жизнь не стояла на кону, просто двое мужчин решили проверить друг друга. Потому что если бы это был настоящий бой – конт уже стал бы трупом. Пока же противники прощупывали друг друга, стараясь не наносить глубоких ран, хотя руки обоих уже краснели тонкими порезами. Для Виктории такой поединок был вдвойне тяжел. Когда-то ее учили убивать, а не играть. Ксен тоже осторожничал, и она поняла, что ему так же, как и ей, сложно сдерживать удары.

Во второй руке Алвиса появился засапожный нож. Он больше не улыбался. Взгляд ксена был сосредоточен, движения стали резкими и скупыми. Профи. Виктория же чувствовала себя не так уверенно. Ей было сложно приноровиться к длине рук, но пока она успешно отражала выпады противника и даже контратаковала.

– Алвис, ты же знаешь, я ничего не помню из своей прошлой жизни. – Темп боя немного стих, и она разорвала дистанцию. – Я даже не помню имен своих слуг. Моя жизнь начинается с чистого листа.

Ксен провел обманное движение, и один из кинжалов конта полетел в сторону.

– Кир Алан, как умер ваш отец?

На секунду Виктория задумалась. Ксен дураком не казался, а значит, уже сложил два плюс два и сделал правильные выводы. Тем более что он лично исповедовал присутствовавших на той злополучной охоте. Поэтому она не видела причины скрывать правду. Лучше сообщить малое, чем путаться в большом.

– Я его убил. – Конт пихнул ксена ногой в колено, и когда тот оступился, взмахом кинжала порезал ему предплечье. – Извини.

– Не слышу раскаяния в вашем голосе. Как вы это сделали? – Искореняющий вдруг резко выбросил руку вперед, и Кир Алан едва успел отклониться от летящего ему в плечо ножа.

– Удар в основание черепа.

Во время боя они не переставали двигаться, и сейчас конт стоял спиной к замковому двору. Ксен не нападал, он застыл с опущенным вниз клинком, но его взгляд внимательно следил за выражением лица соперника. Вот бы узнать, о чем он думает?

– Да, так оно и было. Вы сожалеете?

Виктория задумалась. Сожалеет ли она о поступке реципиента? Пожалуй, нет. Если бы не смерть старого конта Валлида, она бы не получила второго шанса. Цепочка совпадений. Только вот совпадений ли? Или это чей-то хитроумный замысел? Но пора отвечать, а то как-то странно смотрит ксен, и смотрит куда-то ей за спину.

– Нет, я не сожалею.

Похоже, что ответ Искореняющему не понравился, его лицо приобрело жесткое выражение, глаза сузились, он отбросил оружие и стремительно метнулся в сторону конта, налетел на него всем телом и опрокинул на землю, успев обхватить обеими руками голову. Движения мужчины были настолько быстры и непредсказуемы, что Виктория не успела отреагировать,

как очутилась на каменистой земле, придавленная телом ксена. Над ними что-то просвистело. Алвис моментально откатился в сторону и, не поднимаясь на ноги, подполз к обрыву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.